

Дмитрий Епишин

18+

ОКОЯНОВ

сага «Ось земли»

· Книга 1 ·

Дмитрий Васильевич Епишин Окоянов. Сага «Ось земли». Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69646453

SelfPub; 2023

Аннотация

Заговор международного масонства в 20-х годах XX века против Советской России, отзвуки которого докатились до уездного города в русской глубинке, где назревает бунт против советской власти. В историческом детективе смешались страсть и горечь борьбы за новый мир, безоглядная любовь и метания героев, поиски новой морали и самоотверженный героизм в борьбе за революцию. Сюжет книги ответит на вопросы о причинах драматических событий современной политики. Основано на реальных политических событиях.

Содержание

1	5
2	14
3	53
4	59
5	65
6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Дмитрий Епишин
Окоянов. Сага «Ось
земли». Книга 1**

1

Зря, зря основатели первой ложи, что пьянствовали в таверне «Гусь и вертел», на всех углах болтали о своей благотворительности. Мол, настанут золотые времена, когда мasons напитают нищих, призрят сироток и превратят бордели в бастионы благочестия. Кто поверил бы этим свиным рылам, готовым родную мамашу сдать в ломбард, если бы за старуху дали ломаный грош? Кто бы стал слушать растлителей малолетних и тайных сифилитиков, истлевающих от ртутных мазей?

Конечно, никто не поверил. Вот и поползли скверные слухи, что вся эта брехня нужна им только для отвода глаз. А на самом деле вольные каменщики обтяпывают грязные делишки, умыкают чужое добро и даже суют нос в политику.

Чего греха таить, так оно и было. Дела у первых лож пошли на зависть успешно, и эта мода всего за пятьдесят лет распространилась по всему Альбиону. Тени братьев замелькали в гильдиях, в парламенте и даже в правительстве. Стало ясно, что они могут тихой сапой добиваться своего в этом славном королевстве. Главное только – сговориться между собой и действовать по плану. Тогда можно увести во владение какого-нибудь брата очередную шерстобитню или пивоварню, а то и фабричку. А стряпчему всучить золотую гинею, чтобы молчал как чучело куропатки, если обиженные

поднимут крик. Как же иначе? Ведь чем состоятельнее члены ложи, тем сильнее она сама.

Но, видно, не одни масоны были такими сообразительными. Хватало мозгов и у английских королей. Они, наконец, спохватились, что ложи роют в их владениях подпольные ходы. А там, где роются подпольные ходы, возникает подпольная империя с ее темными законами, властителями и палачами. Вот и прибрали их величества вольных каменщиков к своим рукам. В 1782 году Великую Ложу возглавил принц Кемберлендский Генри Фредерик.

С той поры братства оказались под надежным присмотром сюзеренов. Каждым новым Великим Мастером избирается только наследный принц. Здесь уже не случится той неприятности, какая произошла во Франции с Людовиком Шестнадцатым, легкомысленную голову которого масонская революция разлучила с его жизнелюбивым телом.

Или с русским Павлом Первым, вознамерившимся устроить гонения на ложи. Пришлось ему отъехать в царскую усыпальницу вперед ногами в самом цветущем возрасте.

Короли себя обезопасили, но лучше ли от этого ложам? Только нужно ли это братствам? Ведь они стонут в путях придворных условностей и обязательств. По настоянию двора масоны постоянно занимаются благоглупостями. Зачем тратить непомерные суммы денег на дурацкие маскарады благотворительности, строительство лепрозориев и богаделен, бесконечные балы и чаепития, когда страдает реальная

работа?

Публику следует ублажать, не доводя дело до балагана. Нельзя заниматься цирком и политикой одновременно. Россия проиграна! Сегодня об этом надо говорить откровенно.

Пятнадцать лет назад, после бездарной попытки первой революции в России, Совет принял решение о начале по-настоящему широкой работы для установления в Петербурге республиканского режима. Пятнадцать лет подряд расходовались невероятные деньги на российских заговорщиков всех мастей, велись закулисные игры, жертвовались человеческие жизни. И все оказалось напрасным. Эта полудикая кобыла вырвалась из накинута́й масонами уздечки и поскакала своим путем. После лавинообразно нагрянувшего октябрьского переворота братство было выбито из потока российских событий.

А все потому, что ложи не имели возможности развернуться со всей своей силой. Потому, что на потеху его Величества они вынуждены были посылать лучших людей в Индию и Африку, заниматься эмансипацией, черт бы их побрал, женщин, строить бесконечные приюты, которые вскоре превращаются в публичные дома!

* * *

Брат Секретарь подошел к окну своего кабинета и выглянул на улицу. Желтая пена цветущих каштанов радова-

ла глаз. Весна двадцатого года выдалась в Лондоне теплой и солнечной. Ласковый майский день манил выйти на улицу, прогуляться по набережной Темзы, забыть об этой проклятой азиатчине в оживленном шуме богатого европейского города. Однако ему было не до прогулок. Сегодня вечером на Совете будет рассматриваться состояние дел в России. Большевики успешно завершали гражданскую войну, и все указывало на то, что они взяли власть надолго. Разговор предстоял трудный.

А ведь еще три года назад, когда премьером России стал Керенский, ложи торжествовали победу. История сопутствовала их замыслу. На важнейшем этапе переворота масоны уверенно держали в руках ход событий. Буржуазная революция, в которую они вложили столько сил, подходила к финалу, и это была их заслуга. Ведь никто не стал бы терпеть в Европе российскую политическую шпану, состоявшую из мечтателей и садистов, способную только болтать на пьяную руку и ссориться между собой. Именно здесь, в Париже, Берлине и Лондоне, стараниями братьев эти опереточные персонажи превращались в реальную силу, крепили, набирались понимания предстоящих дел. Это с помощью лож они смогли сколотить и содержать свои партии. Отсюда они управляли подрывной работой в Империи. Здесь печатали свою литературу и свои газеты. Ничего этого они не смогли бы сделать, если бы не деньги братств, поступавшие им иногда напрямую, а чаще – через подставных лиц. А сколько средств было

отдано ложами на пропагандистскую поддержку антимонархических настроений в России, сколько денег ушло на подрыв русского великодержавного духа!

Наконец, в феврале семнадцатого Николай Второй был низложен, и братствам открывалась широкая дорога к богатствам, каких они себе и представить не могли. Временное правительство, на половину состоявшее из масонов и получившее доступ к царским сокровищам, обещало начать выплату долгов. Ах, какой рог изобилия готов был уже извергнуть на ложи свои благодати. Все гигантские затраты на войну и свержение самодержавия обещали восполниться в кратчайшие сроки. Посол Его Величества в России Бьюкенен писал восторженные письма о свершившейся виктории.

Ну, а после победы над кайзеровской Германией, Россия распахнула бы свое неизмеримое пространство перед английским, французским и американским капиталом.

Однако тогда ложи совершили историческую ошибку с Ульяновым. Немалая вина легла и на него, Брата Секретаря. Он не сумел подняться над коллективным разумом Совета и разгадать силу карликовой большевистской партейки, висевшей на шее немецкого генштаба больше для отчетности, чем для серьезной подрывной работы. Да и кто в Совете мог предполагать, что на финальном этапе переворота большевики проявят такую прыть! Ведь они никакого отношения не имели к февральским событиям! Сегодня они трубят, что на момент февральской революции их было двадцать четы-

ре тысячи. Да он-то знает, что вокруг их ядра из четырехсот функционеров не набралось бы тогда и десяти тысяч более-менее устойчивых сторонников. А эсеров насчитывалось в пятьдесят раз больше. Кто же сделал бы ставку на ленинцев в такой ситуации?

Но как же хлестко начала работать привезенная немцами из Швейцарии группа большевистских агитаторов! Нет, они не пошли в окопы или в деревню, в эти неуправляемые стихии. Где им справиться малым числом с таким океаном! Эта говорливая стая ринулась в питерские и московские казармы, на крупнейшие заводы. Она выкинула из рукава самый беспроегрышный козырь: мир вместо войны. И играючи обставила правительство Керенского, не сумевшее понять момента и продолжавшее под руководством Бьюкенена твердить о войне до победного конца.

Брату Секретарю иногда казалось, что какая-то могучая и невидимая сила неожиданно вбросила большевистский джокер в мировую карточную игру, и этот злой шут пошел косить направо и налево, ломая планы всех участников. Может быть, и вправду, Ульянов попущен сверху? Но кем? Ведь братство трудится и воюет во славу Верховного Существа, Властителя Неба, и принимает от него благодать якобинских истин. Значит, Властитель неба должен бы был помогать российским буржуазным социалистам, а не большевикам, которые открыто говорят о диктатуре. Но демократическая революция провалилась, российские масоны разогнаны.

Как бы там ни было, следует признать серьезный просчет. План ложи сорван. Брат Секретарь потер ладонями лицо и попытался взбодриться. В его жизни явно начиналась черная полоса. Жестокий просчет в российских делах, который соперники не преминут обозвать авантюрой, сопровождался душевной травмой. Вчера ночью руководитель службы внешней безопасности сообщил ему о предательстве Эмиля. Он выявил тайную связь Эмиля с эмиссаром американской ложи в Лондоне.

Эмиль, единственная его отрада за последние четыре года... Судьба не дала Брату Секретарю собственных детей и он тайно мечтал о появлении у себя приемного мальчика, которого сможет сделать своим духовным сыном, наследником своих тайных дел. Брат Секретарь был вторым человеком в Великой Ложе после Великого Мастера и достиг предела человеческих возможностей. Великим Мастером он не мог стать, потому что в Объединенном Королевстве эту верховную должность уже два века занимают только члены королевской фамилии. Но Великий Мастер обращался к делам ложи лишь в важнейших случаях. А вся ежедневная политика была в его, Брата Секретаря, руках. И никто в Королевстве не сомневался в его могуществе. Предчувствие приближающейся старости породило в нем нежелание расставаться с этим могуществом, ведь оно было создано его усилиями. Он должен был передать это могущество в верные руки, лучше всего своему духовному преемнику.

Четыре года назад в его жизнь пришел Эмиль в виде личного секретаря Мастера Эдинбургской ложи, доставившего ему папку секретных документов. Тогда, принимая юношу у себя в кабинете, Брат Секретарь почувствовал внутреннее расположение к этому юноше и подумал о том, что он соответствует его представлениям о приемном сыне.

Эмиль не скрывал своего стремления уехать из Эдинбурга. Он честно сказал Брату Секретарю, что хотел бы сменить наставника и освободиться от idiotских придинок старика.

Брат Секретарь сумел увести Эмиля от мастера Эдинбургской ложи, сделал юношу своим личным помощником и стал воспитывать из него верного последователя. Он посвящал мальчика в тайны ложи, рассказывал о закулисных отношениях братьев и тех подлостях, которые они устраивали друг другу. А самое главное, учил трезвому и беспощадному суждению об окружающих. Будущий Великий Мастер не имеет права быть мягкотелым.

Но предательство Эмиля повергло его! Он терпел катастрофу в самом главном проекте своей жизни – в воспитании наследника тайной власти. Тайная связь Эмиля с американскими масонами – это приговор, не подлежащий пересмотру. Американцы играют свою игру, противоречащую интересам Альбиона. Перебежать на их сторону – значит предать и Альбион и его лично.

Брат Секретарь открыл шкафчик, налил себе в хрустальный стакан виски и выпил одним большим глотком. Что ж,

Властитель Неба предлагает испытания, а наше дело их выдерживать и славить мудрость Властителя. Да будет мне место в тени его!

2

В небе над Окояновом висит мягкая майская синева. Разбросанный по зеленым холмам городок привычно дремлет в тени своих храмов. Их купола возвышаются над деревянными, заросшими зеленью улочками, вкривь и вкось сползающими к реке. Теплый ветер шевелит занавески в окнах домов, гоняет пыль меж лабазами торговой улицы да рябит гладь неширокой Теши. Тишина, покой. Даже галдеж грачей в старом парке не нарушает ленивого однообразия дня. Кажется, что вся эта картина создана Волей Божьей с изначала времен и ничто не может ее изменить.

Лишь иногда ударят церковные колокола, отмечая движение времени, или пробегающий мимо поезд тревожно свистнет на всю округу. Но тут же вязкая глухомань садов задушит его голос в своих объятьях.

Трудно предположить, что этот отдаленный угол нижегородчины знает и о сотрясениях мира, и о затмении человеческого разума, и о приближении новой, непонятной и страшной жизни. Даже кумачовый плакат над входом в уездный исполком будто попал сюда из другой, непредвиденно зашпившей эпохи.

Тишина, покой.

Над окнами исполкома уютно воркуют голуби, а из кабинета его председателя, Алексея Булая, раздается жизнера-

достный мужской гогот. Это заведующий политическим бюро при уездной милиции Антон Седов рассказывает своему товарищу о результатах операции по поимке местных контрреволюционеров.

На днях секретный осведомитель Антона сообщил ему, что в синематографе «Арс» по пятницам после сеанса собираются какие-то люди не местной наружности. Что они там делают, осведомителю выяснить не удалось, но тот факт, что они запираются на ключ, наводил на мысль о заговорщиках.

С владельцем иллюзиона чекисты решили на всякий случай не объясняться, а провести следствие своими силами. В ближайшую же пятницу Антон с двумя сотрудниками заблаговременно проникли в «Арс», спрятались за кулисами маленького зальчика синематографа и стали ждать начала подозрительного сборища.

Собравшиеся под покровом сумерек личности, действительно, были не местными жителями, а являли собой группу нижегородских специалистов, приехавших ремонтировать железнодорожное депо. Помимо них, Антон обнаружил среди присутствующих бывшую исполнительницу романсов в трактире Балужева Эльвиолу Шанц, известную в городе своими легендарными объемами. В настоящее время Эльвиола заведовала только что образованным клубом Пролеткульта и прибыла в сопровождении нескольких активисток этого заведения.

Седову стало ясно, что можно было не утруждать себя

томительным ожиданием в засаде. Со всей очевидностью, в синематографе назревал поэтический вечер, который Эльвиола решила провести в виде собрания избранных ценителей прекрасного. Ее потуги воздвигнуть в Окоянове башню из слоновой кости были давно известны. А почему на вечере оказались нижегородцы, и к гадалке ходить не надо. Губернские инженеры и техники не чета местным пентюхам.

Вечер начался с чтения Эльвиолой стихов Бальмонта в полумраке. При этом она потребовала запереть дверь. Присмотревшись к сцене, Антон увидел, что продвигаясь по строфам своего кумира, декламаторша начала входить в раж и стаскивать с себя тряпки. Присутствующие воспринимали это с восторгом, хотя завывания толстухи могли поднять из гроба покойника.

Седов еще не успел сообразить, что все это означает с точки зрения пролетарской морали, как распоясавшаяся во всех смыслах декламаторша объявила танцы при погашенной лампе. В помещении установилась тьма. Засипел граммофон, и под звуки тустепа задергались едва уловимые очертания поклонников высокой поэзии, сопровождая конвульсивные движения повизгиванием и даже, как показалось Антону, похрюкиванием.

Теперь до заведующего политбюро окончательно дошло, что вместо поэтического вечера он попал в самый что ни на есть обычный вертеп.

Седов принял решение раздавить наследие прошлого в за-

родыше, и когда дребезжание граммофона достигло высшей точки, появился со своими сотрудниками из-за кулис.

Один из чекистов зажег «летучую мышь». Ее печальный свет высветил нескольких господ инженеров, уже освободившихся от пут одежды вплоть до кальсон, и Эльвиолу с подругами, обнаженных с беспощадной окончательностью. Лица конспираторов искажал такой ужас, какой бывает, наверное, только у грешников, поставленных голыми перед Страшным Судилищем.

Антон не стал читать перепуганной компании никаких моральных сентенций. Он поправил пенсне на носу и спокойным голосом сказал, что революция не считает скачки в голом виде проявлением новой жизни, а по сему посему присутствующим предлагается вернуться в изначальное состояние, то есть, одеться, а затем очистить помещение. Эльвиоле же, как основному рассаднику культуры в Окоянове, было сказано, чтобы она подыскивала себе другое место приложения творческих усилий...

Отсмеявшись, Булай слегка пожалел дуреху Эльвиолу, которая славилась добрым и безотказным характером и, в общем-то, не заслуживала сурового обхождения. Хотя, конечно, в Пролеткульте ее оставлять было нельзя...

* * *

Два революционера представляли собой необычную па-

ру. Они были ровесниками, едва перевалили за тридцать лет, но успели повидать всякого.

Алексей происходил из зажиточного купеческого рода и, казалось бы, в звездах ему было написано унаследовать линию своих предков.

Но то ли согрешила его матушка с залетным молодцом, то ли по какой другой причине, никаких наследственных склонностей к торговому ремеслу мальчик не проявлял. За родительским прилавком он тосковал, обсчитывался и частенько удирал гулять на улицу. Под его предводительством местные мальчишки обчищали сады, ходили в ночное и устраивали побоища с ребятней из прилежащих к Окоянову сел. Леша обладал отчаянным характером. В драках он ощущал радостный подъем, но при этом никогда не терял самообладания, действовал так умело и находчиво, будто его этому учили с пеленок. Авторитет его был велик не только среди ровесников. Даже местные парнишки постарше предпочитали с ним не шутить.

Отец его, Гаврила Яковлевич, из кожи вон лез, чтобы приучить единственного отпрыска к коммерции, но толку не было ровным счетом никакого. Ни уговоры, ни тумачи не помогали. Алеша тянулся к уличной вольнице. Родился он явно не купцом, а атаманом. К тому же, богобоязненные родители заметили за сыночком и еще один грех. У него материнское молоко на губах не обсохло, а он уже начал любопытствовать у кухонных девок за пазухой.

Булаи ума не могли приложить, что им делать с этим постреленком. Но точку в их сомнениях, как это часто бывает в жизни, поставил случай.

Леша давно искал возможности свести счеты с приказчиком Оськой, шпионившим и доносившем на него батюшке. Наконец, желание его сбылось. Он застал своего врага беспробудно спящим в сеннике после ночной попойки. Мальчик вывел из стойла во двор годовалого жеребчика Грома, привязал конец пеньковой веревки ему за шею, а другой конец просунул в сенник и, сделав петлей, накинул на босую ногу приказчика. Затем пошел в людскую, добыл обрывок старой газеты, поджег его от лампы, вернулся во двор, поднял хвост жеребчику и поднес факел к репице. Через секунду двор наполнился пронзительным ржанием молодого коня, который рванул с такой силой, что Оська вышиб своим телом жерди, ограждавшие сено, и пустился бороздить грязь двора вслед за Громом. Тишину окружающих улиц оглашали ретотание подпаленного жеребца и безумный вой ошалевшего приказчика, который, видимо, решил, что летит в преисподнюю. Гром носился по кругу, Оська становился все чернее от грязи, а Леша умирал со смеху. Сцену остановил Гаврило Яковлевич, который, очнувшись от предобеденного сна, выскочил во двор и, в один момент схватив коня за шею, поставил его на колени.

Дознание было простым и безошибочным. Лешу нещадно выпороли и как окончательно непригодного к торговому де-

ду сослали учиться в арзамасскую мужскую гимназию, куда состоятельные окояновцы отправляли своих недорослей.

Здесь его приняла в свои объятия компания гимназистов из числа деток вольной арзамасской интеллигенции, и, сам того не подозревая, он стал постепенно превращаться в закваску, которая повзрослев, заварит в родной стране котел одуряющей браги. В этой компании Леша получил азы модных политических воззрений, столь подходивших его вольной натуре. К моменту выпуска из гимназии он твердо знал, что Бога нет, царь – дурак, а по Европе бродит призрак коммунизма.

Батюшка его не подозревал, каков он гимназист, и был рад тому, что сынок запросился учиться дальше в Нижнем Новгороде на путейского инженера.

– Не век Булаям в купцах бедовать, – сказал он своей жене, – башка у Лексея острая, глядишь, в министры выбьется.

Леша поступил в инженерно-техническое училище в 1905 году, однако в министры не выбился, а совсем наоборот, на четвертом курсе с треском вылетел из него как политически неблагонадежный. К тому времени он уже состоял в подпольной студенческой организации. Основанием для отчисления стал каприз начальника жандармского управления, которого Булай оскорбил лично. Расклеивая листовки в годовщину начала всеобщей стачки Пятого года, парень прикрепил на дверях особняка его превосходительства на-

ряду с политической прокламацией срамную картинку с надписью «Имал шалаву да проморгал державу. Привет генералу от купеческих сисек». До того, как позорный листок содрали, его прочитало немало горожан из тех, кто рано поднимается к труду.

Охранка имела среди студентов достаточно осведомителей, чтобы быстро установить автора этого глумления. И хотя о романе главного губернского жандарма с купеческой дочкой Серафимой Филимоновой сплетничали даже волжские пескари, такого позора генерал снести не захотел. Он припомнил и другие пакости Алексея и велел задержать его для дознания, несмотря на отсутствие прямых улик.

С доказательствами, действительно, дело было плохо, и следователю пришлось ловить студента на мякине. Но тот ломал дурака, ни в чем не признавался, а в глазах его прыгал насмешливый чертик. Глядя в эти серые, холодные, как льдинки, глаза, страж закона понял, что парня на мякине не возьмешь. От чувств-с он не рассуропится, добровольного признания не сделает. Этот еще много чего натворит.

Действительно, добровольного признания Алексей не сделал. Пришлось ограничиться его простым отчислением.

Настала пора думать об отъезде из Нижнего. Здесь жандармы ему житья не дали бы. Натура Алексея сильно противилась этому. Он любил свой край, чувствовал себя на родине превосходно. Все здесь для него было своим, все было доступно. И такая важная для каждого молодого парня ста-

тъя, как любовь, получалась у него здесь лучше некуда.

Леша не баловался отношениями с курсистками. Со свойственной ему прямоотой он отвечал товарищам на вопросы, касательно этих дамочек: «У них меха длинные. Не дождешься, пока размотают. А мой левольверт каждый день палить приспособлен».

Тут он, конечно, малость бахвалился, но что правда, то правда, слободские девушки Сормова и Кунавина млели по этому статному и лихому парню. Он так танцевал кадрили, что ноги сами просились в пляс, сочным молодым баритоном пел волжские песни и источал такую разудалую, такую русскую силу, что влюблялись в него молодые мещаночки безмерно.

И была у него в Сормове любовь, о которой он не забудет всю свою жизнь.

Встретил он Настю, когда его только что изгнали из училища.

Беспокойный характер Алексея не нравился хозяевам домов, где он квартировал. Его возвращения под утро, буйные и шумные компании, да и блудливые девки, что задерживались до зорьки, быстро вынуждали «углодателей» просить студента «очистить помещение». Больше трех месяцев он ни на одной квартире не задерживался и чем дальше, тем больше склонялся жить не в городском центре, а у людей попроще, в слободах.

Вот и в тот раз он шел по тенистой сормовской улице,

наугад стуча в ворота и спрашивая, не сдастся ли, случаем, угол. Булай решил пробыть в городе до осени, а с первыми журавлями сняться с места.

У одного из домов Леша увидел трех девушек, сидевших на скамье и лузгавших семечки. Та, что была посередине, поразила его с первого взгляда. На него глянули два изумрудных глаза необычного, приподнятого к вискам разреза. Над ними дымилось облако медного цвета кудрей. Лицо ее было вылеплено из белого воска, тонкий нос и разлетающиеся стрелы бровей выдавали какое-то нерусское происхождение. Под просторным платьем угадывались формы тоненького, легкого тела.

– Как змейка, – подумал Алексей. Обнаженные руки были мраморно белы. Необычного рисунка рот затаил в себе смешинку и испуг.

В Алексее зарокотал вулкан, который во все главные моменты жизни вместо разума определял направление движения. Сердце его загорелось радостным азартом. На налившихся пружинистой сталью ногах он приблизился к девушке, чувствуя, что сейчас решается что-то очень важное:

– Меня Алексеем дразнят. Я скубентом притворяюсь. Вот угол для проживания искал, да Вас нашел. Нельзя ли познакомиться?

Настю сковал страх. Этот красивый, могучий парень не просто так упал с неба. Что-то в ее жизни произошло. Она почувствовала дрожь во всем своем теле, но в то же время,

сладкая истома ответа уже исходила из нее:

– Ах, что Вы, стоит ли утруждать. Вы по всему городу углы ищете и, поди, везде такие плезiry говорите.

Голова Алексея закружилась от хмельного веселья. Игра пошла под его сурдинку.

– И вправду. По всему городу ищу. Только такой красоты нигде не находил. Боюсь обидеть Вас чем-нибудь, не так сказанным. Прощайте пока, может, завтра свидимся. – Он знал, что на сегодня все слова произнесены и надо уходить. Если завтра об эту же пору она будет здесь, то дело его верное.

Конечно, Леша, которому исполнился только двадцать один год, не понимал истинных причин своей привлекательности. Не из-за атлетического сложения, серых глаз или льняных кудрей тянулись к нему женщины. Наверное, из своего провинциального захолустья привез он в себе такое самостояние, которое отличало его от многих сверстников. Было в нем что-то сильное, уверенное и надежное, что женщины ценят больше всего на свете. «К такому прилипнуть – счастье навеки. С ним – хоть куда», – мелькала в женской голове шальная мысль, и сердце, екнув, плюхалось в омут его не по возрасту умелых ухаживаний.

Когда на следующий день, пыля по знакомой улочке шевровыми сапожками, Алексей издали увидел Настю, он не удивился. Только вместо привычного упоения собственной неотразимостью, в душе его выросла нежная осторожность.

– Только бы не испортить дела, – думал он.

Алексей провел бессонную ночь. Красавица с огненными волосами и зеленым взглядом не шла из головы, жгла сердце, заставляла трепетать душу.

– Влюбился, люблю, помираю, как люблю, жить не могу ни минуты без нее, – твердил он сам себе. Алексей уже мысленно целовал ее, носил на руках, одевал ее в наряды и баловал шампанским. Он давал ей бесчисленные нежные прозвища, шутил с ней и сам того не заметил, как на занавески упал луч утренней зари. Утро Булай встретил в решительной жажде действий.

«Сначала привести себя в порядок. Одеться по-человечески. Затем отправиться в Сормово. По дороге продумать план разговора. Дело серьезное. Верно, жизнь решается», – лихорадочно думал он, второй раз проходя бритвой свои розовые щеки.

Знакомые девушки говорили Алексею, что ему будет к лицу русская одежда. Ранее не очень заботившийся о таких вещах, на этот раз парень готовился к встрече всерьез. Он вспомнил эти советы.

К открытию салона готовой одежды Галактионова Леша уже торчал под его витринами и первым влетел в помещение. Через час на улицу вышел неузнаваемо преобразившийся Алексей Булай.

Вместо кургузой студенческой куртки, фигуру его облакала тонко сшитая синяя поддевка дорогого сукна, под ней по-

блескивала серебром поплиновая рубаша, ловкие брюки уходили в шевровые сапожки на каблучке. Слегка надвинутый на глаза картуз с бархатным околышем придавал владельцу вид лихой и слегка задиристый.

Боковым зрением он отметил, что две молодые барышни, о чем-то лепетавшие неподалеку от салона, при его появлении остолбенело затихли. Довольно хмыкнув, Алексей взял пролетку до Сормова. Пригодились денежки, которые матушка тишком подсовывала Лешеньке на конфеты отдельно от отцовского содержания.

Настя сидела на скамейке одна. Ни одна из ее подруг не пошла с ней, несмотря на уговоры. У всех оказались свои дела. И тогда ноги привели девушку на это место вопреки внутренней смуте, развернувшейся в ее душе. Она влюбилась в этого парня и не могла ни на минуту забыть о нем, хотя повадка его говорила и об исходящей от него лихой опасности.

– Будь что будет, – повторяла она сама себе, – если лихо выйдет, значит, такая моя судьба. Люблю его. Люблю, на минуту не могу о нем забыть.

О том, что за ней давно ухаживает бригадир путейских ремонтников Матвей Чалый, она старалась не думать. Надежд ему она никаких не подавала, обязательств перед ним не имеет. Хотя, знала, что обманывает себя. По давним слободским правилам, если девка позволяет парню себя проводить, то считается его, пусть даже между ними дело не дошло

и до поцелуя. И в случае чего, парень может спросить ответ.

Чем ближе Алексей подходил к Насте, тем проще и ясней становилось в его голове. Конечно, нельзя тянуть. Он свободен, исключен из училища, может ехать на все четыре стороны. Надо брать девушку, рубить концы и начинать вместе с ней новую жизнь. Таких не теряют. Таких находят на счастье.

Настя сидела на скамье, как бы не замечая приближения Алексея. Все ее тело сжало спазмом напряжения. И в тоже время, где-то внутри, в самой ее женской сути она чувствовала непомерную слабость. Этот парень мог бы взять ее на руки и унести, куда ему заблагорассудится, и она не сделала бы ни одного движения. Только закрыла бы глаза, чтобы ничего не видеть, и приникла бы к его груди.

– Здравствуйте, – хриплым от волнения голосом сказал Алексей. – Я знаю, Вас Настей кличут, слышал, как вчера Вас подруги называли. А я Алексей, Алексей Булай, бывший студент. Сейчас вольный человек. Можно ли присесть рядом с Вами?

– От чего ж, садитесь, – ответила она, не глядя на него. Алексей присел и хотел было, соблюдая правила поведения слободы, завести разговор о том, о сем и ни о чем, чтобы немножко сгладить первые моменты напряженности, найти нужную струну. Но, видно, не для слободских правил появился он на белый свет. Помолчав немного, он сказал тихим голосом:

– Настенька, посмотри мне в глаза.

Настя испуганно и резко повернулась к нему, и, схватив своими глазами ее зеленый взгляд, он уже не отпускал его. Слова его полились тихой и жгучей лавой. Слова, каких она не слышала никогда и которые закружили ее разум, лишили ее последней осторожности. Она смотрела в него, принимала его голос – и, казалось, уже ничто не сможет вернуть ее жизнь на два дня назад, когда его еще не существовало.

– Настенька, ты все знаешь, все понимаешь. Не случаем, а судьбой нас вчера свело. Мы оба в один момент это поняли, мы оба сегодня не спали и были вместе. Всю ночь я жаром горел, об одном просил судьбу – не спугнуть счастье, не обмануть меня в этом чуде. Я полюбил тебя безмерно, полюбил мгновенно, навсегда. Готов все что угодно для тебя сделать. На все готов, Настенька, упоение мое, сладость моя, надежда моя... Я знаю, это на тебя обрушилось как обвал. Тебе ко мне привыкнуть надо. Я ничего плохого не причиню, пальцем не пошевелю, только любоваться на тебя буду. Об одном только прошу тебя – согласишься выходить ко мне на свидания, гулять со мной по берегу. Ничего больше не надо. Потом все сама поймешь, сама оценишь, как я тебя люблю...

Алексей думал, что Настя будет вести себя так, как ведут все слободские девушки – немножко жеманиться, играть свою женскую роль – уклончивую, до поры неопределенную, выигрывая время, чтобы понять, насколько серьезны чувства молодого человека. Он не знал, что Настя – осколок

древнего ассирийского племени, имевшего совсем другую кровь. Предки ее триста лет назад пришли по Волге купцами из Багдада и растворились в русском народе, оставив о себе память лишь в появлении через многие колена необычных детей, красивых нерусской красотой и пламенных характером.

– Я пойду с тобой, Алексей, Алеша, голубь мой, – прервала она его тихим и страстным голосом, – мне не надо привыкать к тебе. Я ждала тебя с тех пор, когда поняла себя женщиной. Ты шел ко мне и ты пришел. Здравствуй, сердце мое.

Алексей сидел, счастливый и оглушенный ответом. Он не знал, что такое может быть.

– Я вижу, ты не из бедных, а мы небогатые, но мне это пустое. Ты ведь забереешь меня отсюда, я знаю. Я уже все про нас с тобой знаю. Я всю ночь с тобой провела, всего тебя обсмотрела и облюбила. Обо всем с тобой поговорила. Ты не думай, что я опытная. Нет. Я себя для тебя сберегла. Только всему в своем сердце научилась.

Голубь мой, вот как нам поступать надо. Сейчас ты уходи. Здесь нельзя долго сидеть. А завтра на вечерней заре жди меня на кремлевском откосе. Мы ночку погуляем, обо всем сговоримся и уж будем знать, как дальше поступить. Только знай, что мне в слободе долго нельзя. Если узнают, что я с тобой... Есть здесь такой... Матвей Чалый. Он никого ко мне не подпускает, может изувечить. Сильный очень. А я его к себе не подпускаю. Меня-то он не трогает, потому что по-

воду нет. А повод будет – он не остановится. Зверь... Уходи, Лешенька, уходи. Завтра на откосе...

Уходя, Леша догадался шепнуть ей свой адрес:

– Если что не сладится, знай, я живу на Калашной двадцать два. Запомни, Калашная двадцать два, Алексей Булай.

Он поднялся, и счастливое чувство любви понесло его по воздуху в ожидании первого настоящего свидания.

Следующий вечер был продолжением сказки, которую Господь дарит человеку только однажды. Алексей ждал Настю на кремлевском откосе – самом высоком месте Нижнего Новгорода. Внизу в свете заката катила свои воды бескрайняя Волга. На дальнем берегу Заволжья темнела полоска леса, дымили трубы новых заводов. Слева, в сумерках стояли древними стражами башни Кремля. Не для красоты, для обороны, простые и надежные. Казалось, вот-вот появятся на них силуэты ночных дозорных в кованых шлемах.

Настя пришла, когда солнце уже садилось за окаем Заволжья. Алексей подивился ее легкой походке и удивительному блеску улыбки, которой она одарила его, приближаясь.

Они взялись за руки, спустились к Волге и пошли вдоль воды.

Оказалось, что любовь не знает условностей. Оказалось, что ничего не надо объяснять. Они говорили так, как будто знали друг друга с детства и им предстояло только уточнить несколько деталей. Леша диву давался тому такту и уму, который Настя проявляла в разговоре. Она могла мягко и убе-

дительно настаивать на своем, а потом вдруг менять линию, во всем соглашаться с Алексеем, и это у нее получалось так славно, так гармонично, что его невольно обуревало ощущение счастливой удачи.

Те бытовые вопросы, которые еще вчера были для него скучны, противны, нежелательны, вдруг обрели новое счастливое и интересное содержание.

Во-первых, куда ехать, во-вторых, как зарабатывать на жизнь?

Ведь теперь на нем забота о нежной и красивой женщине, которой надо создать достойные условия. А что у него есть?

Есть у него последний денежный перевод в сто рублей от отца Гаврилы Яковлевича, который еще не знает об исключении из училища. Перевод, воистину, последний. Больше на родителя полагаться не стоит.

Есть еще справка об обучении в нижегородском инженерно-техническом училище по ведомству железных дорог в течение трех с половиной лет. Путейским инженером с такой бумажкой можно устроиться только где-нибудь в Туркестане. А в местах поближе к родине – разве что путейским техником. Но и это было бы неплохо. Семью можно прокормить. Вот и все. Остальное – как жизнь обернется. Настя работала швеей-надомницей у себя в Сормове, делала всякое по заказу мастерских, обслуживавших Макарьевскую ярмарку. Но Алексей сразу ее трудовую деятельность исключил. И она с радостью согласилась, что самая сладкая женская ра-

бота – рожать и растить детей.

Они всю эту теплую ночь гуляли вдоль Волги, постепенно приближаясь к Сормову, жарко целовались, и у Алексея никакой мысли не было о близости с Настей – так нежно, так трепетно он любил ее.

Они договорились уехать в Лиски, где у Алексея работали приятели, члены организации, выпустившиеся годом раньше. Эта узловая станция была одна из крупнейших, и работу там, наверняка, можно было найти. На сборы они себе отвели всего лишь один день.

Когда они сидели на Лешинной поддевке, смотрели, как на востоке начинают мерцать первые полосы утренней зари, Настя сказала ему:

– Лешенька, сердце мое. У меня тревога на душе. Я так ждала тебя, что боюсь поверить... Я не жадная, но сейчас мне хочется схватить свое счастье крепко-крепко и не отпускать, не отпускать. Мне так дорога каждая минута с тобой, я так боюсь, что это вдруг исчезнет... Я сейчас хочу соединиться, не ждать будущего. Ведь будущее всегда неизвестно.

А Алексею казалось, что будущее его известно, определено, счастливо. Кто посмеет нарушить это волшебное состояние? Имея довольно приземленный опыт с женщинами, он не хотел, чтобы Настя хоть в чем-то напоминала ему прошлую жизнь.

– Миленькая, знаешь, как я хочу, чтобы у нас все по-настоящему было – с колоколами, с подвенечным платьем,

с первой брачной ночью... Это же такая музыка.

Настя улыбнулась и вздохнула.

– Хорошо, хорошо, прости меня, Лешенька. Я горячая очень, люблю тебя без ума, прости меня, мы подождем, – и положила голову ему на плечо.

На этом закончилась счастливая ночь и наступило неожиданное трагическое утро.

Когда Алексей довел Настю до ее дома, из утренней мглы выступили три мужские фигуры. Две держались чуть позади, а впереди выступал коренастый, квадратный парень лет двадцати пяти. От всей фигуры его веяло необыкновенной силой.

Настя схватила Алексея за локоть:

– Лешенька, это Чалый.

Он почувствовал, что ее сковало страхом.

«Прозвонил-таки бабий телеграф, – подумал Алексей, – ну ладно, будем разбираться».

Чалый шел на Настю, не замечая Алексея. Ему ни к чему было замечать всякий мусор. Не в мусоре дело. Дело в девке, которая плюнула в его трудовое лицо.

Матвей Чалый был очень сильным человеком. Природа одарила его уникальным организмом. Он в двенадцать лет мог играть двухпудовой гирей. В шестнадцать лет пошел работать в путевую бригаду именно потому, что там требовались сильные люди и им была особая цена. Никто, кроме него, на всю железнодорожную магистраль до Казани, не мог

взять под каждую руку по две дубовых шпалы и нести их сколько нужно и куда нужно. При этом каждая шпала меньше двух пудов никак не весила.

Он мог так сжать в своей лапе ладонь человека, что с хрустом ломались все пальцы.

В двадцать лет Матвей стал бригадиром большой бригады ремонтников, и жизнь в ней стала определяться простым и всем понятным нравом Чалого. Здесь только он был хозяином. И все здесь происходило по его желанию. А если кто пытался восстать – то хрустели косточки.

Чалого стали бояться, но он только радовался этому. Упоение силой постепенно перешло в упоение насилием.

Матвей шагнул мимо Алексея, не взглянув на него. Не размахиваясь, вроде бы легонько, он походя ткнул Булая под ложечку. Будто бревно въехало Алексею под ребра, достало до позвоночника и бросило его на землю. Парализующая боль сковала тело, дыхание остановилось. Он пытался схватить воздух спазматически открывающимся ртом, но воздух не входил в легкие.

– Глянь, какого карася ты себе высмотрела, – медленным скрипучим голосом произнес Матвей, с ухмылкой кивая на Алексея. – Небось, сейчас хвостом по земле бить будет.

Настя размахнулась для пощечины, но Чалый спокойно перехватил ее руку.

– Я, вон, свидетелей двоих привел, чтобы знали, что позор

отмываю. Отмываю позор свой, сука.

И он ударил Настю чугунной ладонью по лицу так, что страдальческий стон принявшей удар нежной плоти прокатился по улице. Ноги девушки подкосились, и она без сознания упала наземь.

Видя это, Алексей в первый раз сумел глотнуть воздуха. Несмотря на острую боль под ребрами, он с трудом поднялся и просипел сжатыми спазмом легкими:

– Ну ты, упырь, посмотри на меня.

– Да ты не сдох еще? – голосом несмазанной дверной петли удивился Чалый, поворачивая к Алексею огромную, похожую на голову сома, башку.

Булай собрал всю свою силу в животе, с горловым выдохом перегнал ее в плечевой пояс, и будто выстрелив из револьвера, хлопнул Чалого плоскими ладонями по ушам.

Этому удару его научил бывалый подпольщик из каторжан. От него лопаются барабанные перепонки.

Лицо Чалого перекосило болью. Он осел на землю, схватился руками за голову и заскрежетал зубами.

Алексей метнулся в направлении «свидетелей», но тех как ветром сдуло. Он вернулся к Насте. Девушка очнулась и открыла глаза.

– Сейчас с ватагой прибегут, уходи... – едва прошептала она.

Алексей поднял ее на руки, принес к дому и постучал в дверь. Открыл пожилой мужчина, чем-то похожий на На-

стю.

– Отец Настенькин будете?

Мужчина ошалело кивнул, еще не осознавая происходящего.

– Вон тот... жених... – Алексей кивком показал на корчившегося в пыли Чалого, – хотел ее жизни учить. Мы с ней уезжаем. Сегодня к вечеру я за ней приду. Пусть отлежится, даст Бог, все обойдется. Извините, коли можете. Меня Алексеем кличут.

Он передал Настю на руки отцу и, повернувшись, пошел к себе домой, собираться в дорогу.

Когда на сумерках он вернулся к Настиному дому, то увидел толпу женщин, собравшихся у входа. В дверях стояли священник и пристав, о чем-то тихо между собою говорившие.

Молнии прострелили разум Алексея. Он влетел в помещение, растолкав присутствующих.

Настя лежала на кровати, освещенная внутренним мертвым светом.

Две молчаливые женщины готовили тазы для ее омывания. Рядом притулился доктор, делавший на колене запись в своей книжке. Из-за перегородки были слышны чьи-то сдавленные рыдания.

– Что... что... почему? – бросился Алексей к врачу. – Не может быть...

– Молодой человек, этот нелюдь, которого сейчас в уча-

сток свезли, запросто быка уложит. А она слабенькая такая... что ей надо-то было. Вот, скончалась от сотрясения мозга...

Алексей, задыхаясь, глотнул воздуха и упал на колени перед Настиной постелью. Впервые в жизни ему было все равно, смотрят на него или нет. Он положил голову ей на живот, схватил зубами укрывавшую девушку простыню и стал перемалывать ее зубами...

Вот так настало время уезжать.

Узнав о Лешинем исключении, его родитель, бывший главой окояновского отделения «Союза Михаила Архангела», отправил ему депешу следующего содержания: «домой не приезжай зпт оторву жопу тчк твой бывший отец гаврила булай тчк».

О возвращении на родину не следовало и мыслить. Зная нрав папаша, Алексей воспринял его обещание всерьез и больше с ним в своей земной жизни не виделся.

К тому времени по России уже пролегли невидимые связи между подпольными организациями, и Алексей пошел от одной ячейки к другой незавидным путем профессионального революционера. Судьба забросила его в западную часть империи. Он конспирировал в Минске, Вильно и городах поменьше.

РСДРП/б/ была загнана тогда в глубокое подполье, частично разбежалась и с населением по существу не работала. Вся деятельность немногих оставшихся в пределах империи

партийцев сводилась к внутренним дискуссиям о путях революции. Призванный природой к реальной деятельности, Булай не любил бесконечную трескучую болтовню на сходках активистов и про себя называл их «синагогой». Ему было тошно от этой жизни. Настя оставила в его душе неизгладимый след. Но она ушла навсегда, а впереди была еще длинная дорога, и Булай мало-помалу вернулся к прежнему образу общения с женщинами. Большую помощь в этом ему оказали соратницы по партии, которые, так же как и он, в теорию не углублялись, зато не жалея себя проводили революционные эксперименты в половом вопросе. Алексей нежно называл их «подполками», с увлечением участвовал в опытах и прославился среди политдамочек редкой неутомимостью. Характеризуя для себя эти собрания, он любил повторять выученные наизусть строчки Саши Черного:

Проклятые вопросы,
Как дым от папиросы,
Растаяли во мгле.
Пришла проблема пола —
Грудастая фефела,
И ржет навеселе.

Товарищи Алексея, познавшие высокую теорию классово-вой борьбы, относились к нему любовно-снисходительно и называли между собою «наш лошак».

Природный нюх на беду и смекалка помогали ему вовре-

мя выкручиваться из самых острых ситуаций. Он был, наверное, единственным из всей своей студенческой организации, кто не путешествовал за Урал в отдельном купе арестантского вагона. Но и в вожди среди большевиков Алексей тоже не рвался.

Февральская революция застала его в Орше, где он трудился путейским техником и заодно входил в руководство партячейки на станции.

Булай сразу же направился на родину и участвовал в подготовке захвата власти большевиками в Нижнем Новгороде, после чего был назначен на весьма хлопотный участок – уполномоченным по железнодорожным перевозкам губернии, которые находились в состоянии полного хаоса.

Однако всего через полгода Алексей всплыл в Окоянове с мандатом Нижегородского губкома на реорганизацию органов власти. Единственным человеком в уезде, знавшим о причине такого понижения, был Антон Седов.

Причина эта носила юбку и являлась женой известного в губернии адвоката. Юная красавица Эсфирь Дыбайло пылко полюбила мужественного революционера-руководителя. Как только Алексей получил жилье из двух комнат в особняке бывшего заводчика Прушинского, она бежала к нему от своего зануды-мужа.

Однако старый щелкопер, поднаторевший в крючкотворстве, засыпал жалобами новую власть, подключив к этому делу и общественное мнение. Из полетевших в губком пе-

тиций следовало, что прогрессивно мыслящая интеллигенция города, горячо приветствовавшая приход социалистической революции в России, глубоко потрясена разнузданным поведением некоторых недостойных представителей новой власти, которые опускаются даже до того, что конфискуют у населения законных жен. В особенности авторов поразил акт произвола, допущенный комиссаром Булаем в отношении достойнейшего адвоката господина Дыбайло, который... и т. д. и т. п.

Скандал разгорелся по губернским меркам немалый. К тому же, в губкоме трудились много выходцев из пролетариата, всерьез полагавших, что большевистский вожак не должен отступать от классовой линии в постели.

После долгих прений начальство решило отослать Булая от греха подальше к себе на родину. Тем более, что случай представился подходящий.

Залетный отряд балтийских морячков в пьяном угаре пострелял в Окоянове сатрапов как царского, так и временно-го правительства в количестве двадцати человек. Местная, только что образованная парторганизация проявила в этом деле свою беспомощность, и Алексей был направлен туда на укрепление роли партии. Отца его хватил кондрашка на следующий день после свержения царя, матушка отдала Богу душу еще раньше, так что строить новую жизнь у себя на родине ему ничто не мешало.

Возлюбленная Булая, выбирая между ним и губернской

столицей, остановилась на втором. Под покровом ночи Эсфирь дезертировала в объятия Дыбайло, забыв попрощаться с Алексеем, но прихватив в качестве трофея офицерское белье, полученное им по талону продкомитета.

С удивлением для себя, Алексей довольно легко пережил эту утрату и теперь уже второй год возглавлял окояновский уездный исполком. Он славился твердой рукой, а также неподдельным интересом к женскому полу.

Собственную семью Булай, по случаю надвигающейся мировой революции, заводить не собирался.

* * *

Антон Седов учился вместе с Лешей в арзамасской гимназии, и многие проказы они совершали вместе. Бывало, бегали подслушивать сходки местных активистов в Выездной роще и добывали прокламации против самодержавия, привозимые обычно паровозными бригадами из Москвы.

Антон должен был стать хирургом в третьем колене. Это будущее не вызывало сомнения ни у его отца, хирурга окояновской больницы, ни у него самого до тех пор, пока не пришел срок выпуска из гимназии. Революция пятого года сотрясала страну, и Антон чувствовал потребность в общественных знаниях. Для него было ясно, что прежде чем стать доктором, необходимо свергнуть самодержавие. Поэтому неожиданно для родителей он объявил, что будет по-

ступать на юридическое отделение Казанского университета. Их пути с Алексеем разошлись, а сошлись в декабре семнадцатого года в Нижнем Новгороде, где Антон вскоре стал членом президиума губчека.

Однако в губернской столице Седов, как и его товарищ, долго не задержался. В отличие от Алексея, Антон сам попросился перевести его из Нижнего в родной город. Работа в нижегородской губчека оказалась не по плечу молодому революционеру. Его мечты о будущем обществе никак не совпадали с безжалостным уничтожением классового врага, выливающимся в бесконечную кровавую карусель. Выросший в семье верующего врача, Антон не мог понять необходимости этого безграничного насилия, будившего в его товарищах самые низкие качества. Только отступить было поздно. За спиной стояли десять лет подпольной работы и немалый вклад в местные революционные события.

Антон не знали в городской организации РСДРП (б) до октябрьского переворота. Он являлся глубоко законспирированным агентом ЦК в губернской судебной палате и проворачивал дела по подкупу судейских и прокурорских чиновников в интересах руководства партии. Чаще всего дело шло об облегчении участи попавшего в заключение функционера. Иногда – о создании условий для побега. Те судьи, которых подкупал Антон, не догадывались, что он действует по заданию большевиков. У Седова было несколько легенд, которые он использовал в таких делах, и образованная им

сеть взяточников полагала, что он просто талантливый молодой аферист, дерущий деньги с родни попавших в заключение политических.

Направленный после переворота в губчека по решению Центра, Седов оказался там человеком чужим и повел дело так, как сам считал нужным, а не так, как заправляли его коллеги. Когда в феврале восемнадцатого года ВЧК получила право применять высшую меру на месте без направления дела в трибунал, Антон активно протестовал против этого. Как юрист он понимал, что это открывает шлюзы для кровавой вакханалии. Через несколько месяцев в руководстве партии увидели, какие плоды пожинает революция. От несправедных расправ стоял стон по всей стране. В ту пору, выведенный из себя бесконечными жалобами, Николай Бухарин добился прав специального уполномоченного ЦК для выправления положения в Чрезвычайной Комиссии. Он остановил сотни скороспелых приговоров, но это не решало вопроса. Беззаконие продолжалось. Только в девятнадцатом году благодаря требованиям многих видных членов Совнаркома было принято постановление, запрещающее ВЧК применять расстрелы без проведения дел через трибунал. Это ввело работу в определенное русло. Но настолько сильно было столкновение двух стихий, что оно продолжало перекрестываться через рамки закона. Проливали кровь обе стороны.

А Антон... Антон наотрез отказывался подписывать кое-как проведенные или просто липовые дознания, что во вре-

мя гражданской войны стало делом обычным. Он видел, что безграничная власть над людьми быстро превращает многих чекистов в преступников, которые даже не подозревают, что делами своими нарушают главные человеческие нормы. На глазах Антона многие его товарищи под влиянием этой атмосферы опускались, начинали пьянствовать, проявляли отклонения в психике. Это вызывало в Седове внутренний протест. Но, считая себя обязанным работать в этой организации, он решил бороться с произволом. Его требования к подчиненным собирать доказательства, проводить допросы, документировать свидетельские показания вызывали глухое раздражение. А то, что он был кооптирован в президиум губчека специально приезжавшим представителем ЦК, порождало самые нелепые слухи. Седов чувствовал, что враждебность и подозрительность со стороны других чекистов по отношению к нему быстро нарастают. Поэтому решил по собственной инициативе разрядить ситуацию – написал заявление о переводе в Окоянов и возглавил там уездную ЧК. Однако и здесь дела шли не лучше. В уездных городах, где все друг друга знали, политические отношения зачастую принимали личный характер, и провинциальные чекисты, как правило, не имевшие точного понимания своей роли, частенько использовали неограниченные полномочия для сведения счетов. Поток жалоб в столицу из глубинки был таким мощным, что в мае девятнадцатого года уездные ЧК были упразднены, а на их месте приказом Дзержинского

основаны политические бюро при уездных начальниках милиции, которые продолжали заниматься своей работой как и прежде. Таким образом, чекисты вроде бы ставились под контроль милиции, но как вскоре показала практика, это мало что дало. Накал борьбы диктовался не приказами Москвы, а реальным положением на месте.

В настоящее время Антон выполнял роль заведующего политическим бюро при начальнике окояновской милиции. А в связи с тем, что начальник милиции был еще ранней весной убит при подавлении бунта в Маресеве, Седов исполнял и его должность.

Еще одной причиной, в которой он не хотел признаваться даже самому себе, был неудачный роман с Ксенией Бергер, дочкой арзамасского городского архитектора.

Их отношения начались в старших классах гимназии, продолжались всю университетскую пору, и Антон горячо мечтал жениться на Ксении после выпуска. Он каждый месяц наезжал к ней из Казани в Арзамас, и все их знакомые не сомневались в скорой помолвке. Для Антона Ксения была блоковской Прекрасной Дамой, которой он отдавал всю свою романтическую душу. Такая любовь не каждого посещает, и счастье этой любви казалось ему путеводной звездой. Ксюша отвечала ему взаимностью. Смешавшая в себе русскую и немецкую кровь, она была на редкость очаровательна. Стройная, сероглазая девушка с копной пепельных курчавых волос и радостным, щедрым отношением к миру,

она нравилась всем. Ксюша была безоглядно предана Антону и пошла на то, что ее подруги сочли бы невозможным. В один из приездов Антона в Арзамас она пришла к нему в номер, и в последний год учебы Антона они стали жить полноценной взрослой жизнью любящих людей.

После выпуска Антона из университета Ксюша ждала его предложения. Это было между ними уже решено, и осталось только завершить дело формальностью.

А Седов после выпуска получил очень хорошее назначение в нижегородскую судебную палату. Это давало возможность безбедно содержать семью, и осталось только согласовать вопрос о женитьбе с партией, так как еще несколько лет назад, при вербовке в партийные агенты, он дал обязательство согласовывать с ЦК главные вопросы личной жизни.

Однако представитель ЦК, которого Антон знал только как товарища Арсена, поздравивший его с успешным продвижением в нужные органы власти, весьма хмуро отреагировал на вопрос о женитьбе.

– Все бы ничего, Антоша. Но девушка совсем не знает о твоей нелегальной работе. А сейчас ты будешь заниматься ею повседневно. У нас на тебя серьезные виды. Рискованные дела будем делать. Как это уместить в одной корзине? Не повредишь ли, дружок, немного, до более благоприятного момента? Уж очень время опасное.

Действительно, напуганное революцией пятого года, правительство Столыпина развязало свирепые репрессии про-

тив профессиональных революционеров. И хотя шел уже девятьсот десятый год, схватка достигла небывалой жесточести. Террористические акты гремели по российским губерниям, унося жизни царских слуг, но и они своим врагам спуска не давали. Подпольщику совсем немудрено было оказаться на виселице, в тюрьме или умереть от кровохаркания после встречи с темными личностями в темном переулке.

Получив отказ в том, что составляло светлый край его жизни, Антон надолго захандрил. В нем происходила борьба мотивов, которая, возможно, кончилась бы иначе, если бы Ксюша была рядом. Но он не считал нужным открываться перед нею и после выпуска на месяц засел у родителей в мучительных поисках правильного решения. Наконец, произошло то, что и должно было произойти с человеком его склада. Антон решил, что судьба специально испытывает его, молодого революционера, поставив перед выбором между счастьем общественным и счастьем личным.

– Революция не бывает без жертв, – сказал он сам себе, – моя первая жертва – отказ от Ксюши. Может быть, впереди ждут жертвы пострашней.

Накрутив себя соответствующим образом, он отправился в Арзамас.

Что Антон лепетал Ксюше, когда объяснял ей о невозможности создания семьи, он сам толком не понимал. Он только чувствовал, что ради Революции должен пожертвовать их общим счастьем.

Ксюша слушала его, окаменев. Счастливое ожидание брачного предложения обернулось невнятным, необъяснимым лепетанием ее любимого. Он хочет объяснить, что им надо расстаться, но слова его пусты, неубедительны. Что случилось? Внутри у нее образовалась тяжесть, которая мешала дышать и говорить. Девушка с трудом понимала происходящее. Почти пять лет она представляла себя женой Антона. Она уже дала имена их будущим детям. Их звали Алеша и Лиза. Она уже знала, какое подвенечное платье себе сошьет и как будет выглядеть их спальня. Она не понимала, что говорить своим родителям, которые так любят Антона. Она ничего не понимала кроме одного – та, прежняя, счастливая жизнь закончилась. Антон исчезает и впереди – ничто.

Ксюша слишком сильно любила его, чтобы расспрашивать о подробностях решения или, тем более, упрасивать передумать. Выслушав Антона до конца, девушка позвала родителей:

– Папа и мама, Антон пришел попрощаться с нами. Обстоятельства больше не позволяют ему продолжать наше знакомство. Прощай, Антон. Будь счастлив.

Родители ее стояли, онемев от неожиданности. Они полагаги, что сегодня вечером состоится сговор.

Антон вышел из дому и, едва волоча ноги, побрел к вокзалу.

– Что я сделал, никак не пойму. Наваждение какое-то... Дело Революции, Ксюша, любовь... Боже мой, как все пере-

путалось... Зачем я отказался от нее?.. Почему товарищ Арсен?.. Господи, ничего не понимаю... Надо быть сильнее.

Он выпил несколько рюмок зубровки в буфете вокзала, сел на курьерский из Саратова и отбыл в Нижний, увозя с собой бред по единственной любви, который будет теперь преследовать его многие годы.

Пока Седов в пьяном сне добирался до места назначения, родители пытались привести Ксюшу в себя. После его ухода она, как лунатик, не видя ничего вокруг, добралась до своей постели и легла лицом к стене. Семья почувствовала, что с девушкой творится что-то неладное. Она, не мигая, смотрела в одну точку и не отзывалась на их обращения. Лоб ее был холоден, дыхание едва угадывалось.

Вызванный доктор осмотрел Ксюшу и сказал, что у девушки глубокая шоковая депрессия, которая может плохо кончиться. Он не велел оставлять ее одну и рекомендовал постоянно пытаться привлечь ее внимание. Отец с матерью всю ночь просидели у Ксюшиной постели, по очереди ведя монологи о том, что жизнь еще впереди и все обязательно наладится. Первые признаки оживления Ксюша проявила поздно утром, когда к ней прибежала младшая сестра Натуська, безмятежно проспавшая всю драматическую ночь. Прямо в ночной рубашке она нырнула к Ксюше в постель, прижалась к ее спине своим горячим телом, стала целовать в шею и приговаривать:

– Вот какие мы бедные, вот какие мы несчастные. Нас бро-

сают, а мы страдаем, слезы проливаем. Вот придет Антошка прощения просить, а я в него ночным горшком с лестницы брошу...

Будто потеплев от натуськиных жарких и ласковых слов, Ксюша пошевелилась и попросила пить.

Еще две недели девушка высвобождалась от сковавшего ее внутреннего паралича. Она редко поднималась из постели, а если поднималась, то передвигалась по дому как призрак, медленная и молчаливая, ко всему безразличная. По ночам Ксюша не спала и лежала, не двигаясь, глядя в потолок. Родители читали ей вслух книги, ее совсем не интересовавшие. Особенно старался Виктор Карлович, у которого было больше сил. Всю ночь напролет был слышен его голос, то бодрый, то монотонный, то совсем засыпающий и снова звучащий на высоких тонах. Так отец подстегивал себя, чтобы не уснуть.

В конце концов Ксюша пришла в себя, но поведение ее изменилось в корне. Исчезла жизнерадостная и щедрая добрыми чувствами девушка с пепельной гривой волос. Вместо нее в доме поселилась грустная и раздражительная молодая женщина с потухшим взором. Она не знала веселья и не понимала юмора.

Через несколько лет Антон узнал от общих знакомых, что Ксюша вышла замуж за офицера, уехала с ним в Варшаву и родила двоих детей. С тех пор никаких сведений о ней он не имел, но со временем понял, что совершил непоправи-

мую, трагическую глупость.

Седов имел весь набор достоинств, чтобы нравиться женщинам. Казанские студенты даже считали его «белоподкладчиком» за хорошие манеры, умение музицировать и петь романсы, а также знание наизусть стихов модных поэтов. К тому же Антон был не чужд романтического отношения к жизни, а это всегда делает людей притягательными. Высокого роста, стройный, с густой шапкой каштановых волос «под Блока» и в усиливающих серый цвет глаз пенсне, он привлекал внимание слабого пола. Но никто не смог заметить ему первую любовь, а Ксюша не уходила из памяти.

Его тянуло жить неподалеку от этого дорогого для него города. Видно, в глубине сознания жила надежда, что однажды она там объявится.

* * *

Булаю и Седову легко работалось вместе. Оба они хорошо понимали, какой это плюс. Большинство бывших подпольщиков было приучено царской охранкой к предельной осмотрительности и недоверию.

Российские жандармы владели тонким искусством проникновения в революционные ячейки. Почти у каждого профессионального подпольщика имелся горький опыт общения с оборотнями, ради которых он порой рисковал жизнью и свободой. Алексей и Антон предельно доверяли друг другу

и могли делиться такими интимными подробностями, какими делятся только с кровной родней, да и то не всегда.

3

Антон сидел, покачивая ногой в хромовом сапоге, за столом своего кабинета и смотрел, как Алексей распутывает ленту аппарата Бодо. Исполком и политбюро располагались в одном здании, так что ходить друг к другу в гости было несложно. Чем дальше Булай разбирал телеграмму, тем больше лицо его приобретало багровый оттенок. Наконец он завершил чтение и дал волю чувствам:

– Что они, в Нижнем, ректификату опились? Митя уж года четыре как в партии эсеров не состоит. А фактически еще больше. Вот смотри: он последний раз по заданию их правления провел операцию в Саратове и скрылся в Порт-Артуре. Там в подполье с большевиками сотрудничал, с их помощью бежал на пароходе в Японию. Оттуда его в Америку занесло. Наконец вернулся домой, а ему заговор предъявляют.

– Ты мне биографию своего двоюродного братца не рассказывай. Я ее не хуже тебя знаю. Когда он в гамашах в Окоянове объявился, первым делом пришел ко мне и подробно все описал. Оснований не верить ему у меня нет никаких. Но эсеров сейчас метут по всей стране великой. Да и они не сдаются. Сам знаешь, только в этом году два мятежа в уезде... Сильная партия, что там говорить. Так что насчет Мити нам придется в губчека что-то отвечать. Вон ведь что написали: «... и в случае необходимости приме-

нить к нему крайнюю форму пролетарской справедливости...» Прямо какой-то демонический поэт революции сочинял. Не мог проще изъясниться, мол, если не сознается в заговоре, то поставить к стенке. Может, нам с ним посоветоваться? Я не представляю, как его задерживать и допрашивать на основании этого бредового указания.

– Согласен. Это по-честному будет и перед собой и перед ним. Посылай к Митрию кого-нибудь из своих ребят. Он сейчас, верно, дома с ребятишками возится. Как вернулся, не отходит от них. Толик-то еще совсем карапуз, а Сережке уж двенадцать, считай, помощник. Нютка же у них просто загляденье. Черноволосая, черноглазая, в отца. Невеста уже. Когда я сюда перебрался, женская гимназия еще работала. Краше ее среди девиц никого не было. А Аннушка уж четвертого носит. Так что Митю никак нельзя арестовывать.

– Так и порешим. Дмитрий нам еще здесь пригодится. С его опытом можно горы свернуть.

Через час в кабинет Седова в сопровождении сотрудника политбюро шагнул Митя Булай. Взгляд его темно-карих глаз был встревожен. Хоть и привели его к людям, которых он знал с детства, но кого бы не обеспокоил вызов в ЧК в это смутное время? В его невысокой, широкоплечей фигуре и смугловатом лице с заметно выступающими скулами читалось напряженное ожидание. Антон отметил про себя, что в смолистых кудрях бывшего боевика СР довольно много седины. Он без долгих вступлений передал Мите для озна-

комления полученную телеграмму. Прочитав ее, Булай ссутулился, опустил голову, и, помолчав немного, сказал:

– А царская-то охранка за своими не гонялась. Ведь ничего, кроме моего членства в эсерах несколько лет назад у них нет. Может, за прошедшее время я какого-нибудь пролетарского вождя от пули телом заслонил и достоин высшей революционной награды?

– Ладно, Митя, сейчас не до этого, – сказал Антон, – как видишь, следует тебя допросить на предмет связей с активом СР, и мы так понимаем – в Нижнем не сразу поверят, если ты их будешь отрицать. Скажи, когда ты возвращался через Питер и Москву, ты не захаживал на старые явки вспомнить былое?

– Я с ними давно разошелся. Когда понял, что террором ничего не добьешься. А с тех пор столько воды утекло, что я об эсерах и думать забыл. Да и не революционер я больше.

– Это ты, Митька, новости говоришь, – подал голос Алексей. С молодых соплей был бунтарем, а тут вдруг «не революционер». У нас касательно тебя другие планы.

– Не знаю, что у тебя за планы, а я больше мир не переделываю. Да и вы зря натужились. Не выковать на вашей классовой наковальне нового Адама, ребята. Какими мы были, такими мы всегда и останемся: с темным рассудком и окаян-ным сердцем. И ничто, кроме веры, нас в человеческих рамках не удержит.

– Митя, ты что, в Бога поверил, – растерянно спросил Ан-

тон, – а не ты ли из нас в отрочестве безбожников сделал?

– Был такой грех. Да и сам до Бога долго шел. А как пришел – отдельный разговор. Вам таких испытаний не пожелаю. Но сегодня знаю: все, что человек должен делать в своей земной жизни, в Евангелии уже сказано.

– А как же новое общество, счастье народа?..

– Что-то непонятно, какое общество у нас назревает. Ты, Лешка, правильно делаешь, что в теорию не лезешь. Потому что у твоей партии ничего, кроме удивительной Теории Пролетарской Революции, нет. В ней она поднялась до невысказанных высот – захвата мостов и телеграфа. А потом – знак вопроса.

– Мы главное знаем: власть должна принадлежать революционному классу. А там решим, что делать.

– Я, Леша, эту вашу идею давно понял. Только вот если ваш революционный класс продолжит со своим военным коммунизмом над крестьянами измываться, то они вам такую пугачевщину покажут, что света белого не взвидите.

– Слышь, Антон, как в Митьке бывший эсер заговорил, – сказал Алексей, – но хорошо режет, собака. Боженьку к месту приплел, аж плакать хочется. Значит так, Митрий. Скажу тебе как брат брату. Если ты с нами не пойдешь всемирное равенство строить, то загремишь к чертовой матери в нижегородскую чрезвычайку как эсеровский недобиток. Понял?

– Узнаю, узнаю папашу твоего покойного. Весь в него, припадочный. Да ты возьми чернильницу и дай мне в лоб.

Усиль воспитательный эффект.

В диалог вмешался Седов:

– Тихо, тихо, братья. Эдак мы и вправду до рукопашной дойдем. Не для этого собрались. Коли ты, Митя в религию впал, то это твое дело. Для меня религия перестала существовать, когда я понял, что она служит самодержавию. И хоть жизненный опыт у меня тоже кое-какой есть, Святое Писание на него никак не ложится. Напротив, здесь для меня примером стал Александр Блок. Поэт, гений поднебесный. Ведь начинал с глубокой веры, а потом через мучительные поиски пришел к немыслимой высоте – поставил Христа во главе пролетарской революции. Знаешь поэму «Двенадцать»? Там идут двенадцать вооруженных рабочих и «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос...» Вот подвиг мысли и духа!

– Думаешь, подвиг? А я так не думаю. Если посмотреть внимательнее, то это самая настоящая подмена. Вместо двенадцати апостолов, несущих заветы «возлюби» и «не убий», Блок ставит фигуры насилия – вооруженных людей, готовых убивать ради земных благ. И их ведет Христос!

Я Блока читал и по питерской жизни кое-что о нем знаю. Светлый был поэт, пока его не опутали шуты, вроде Гиппиус и Бугаева. Каким-то силам было нужно, чтобы его православные взгляды покоробились. Да еще очень страдал от неверности жены.

Наверное, эта боль не позволила ему понять трагедию ре-

волюции. Вот Господь и лишил его голоса, а может быть, попустит и большее наказание.

– Ну, это мы посмотрим, – сказал Алексей. – Товарищ Блок еще направит нашу новую культурную поросль по нужному пути, – и засмеялся, вспомнив Эльку Шанц.

Антон сменил тему разговора и сказал, что неплохо было бы перекусить. День клонился к вечеру. Алексей быстро сбегал в свой кабинет, принес потертый портфель, из которого выкатил на стол несколько вареных картофелин и извлек солдатскую флягу спирта.

– Не забывают сормовчане, спиртику подослали. В прошлом году они целую цистерну в одном эшелоне обнаружили. Председатель завкома себе бочку отлил и с тех пор у них самая сплоченная парторганизация в губернии, – весело сказал он. Разлили по трети стакана, почистили картошку.

– За нас за всех, за лучшую жизнь, – сказал Алексей и выпил одним глотком. Следом выпили Митя с Антоном. Закусили картошкой. Алексей на глазах захмелел, стал потирать слипающиеся глаза. Сказывалось недосыпание.

Вскоре он ушел поспать к себе в кабинет, и Седов с Митей остались одни.

4

Великий Мастер в раздумье расхаживал по своему просторному кабинету в Виндзорском дворце. Он ждал Брата Секретаря для доклада о подготовке заседания Объединенного совета.

Через высокие замковые окна в помещение проникал солнечный свет. Далеко внизу, у подножия холма, на котором стоял дворец, раскинулись весенние зеленые луга, окаймленные курчавыми рощами, блестела голубоватая полоска Темзы, а за ней жизнерадостно выглядывали из цветущего парка красные башенки Итонского университета.

Мастеру было грустно. Он уже двадцать лет находился у штурвала английских братств, и чем дальше, тем больше понимал, что они отстают от реальной жизни. Публичная политика неудержимо врывается в, казалось бы, незыблемые порядки Империи, диктует новые правила игры и создает условия борьбы, к которым масоны на сей раз приспособляются с большим трудом. Братьям стало трудно работать с членами кабинета. В самом кабинете масонов поубавилось, потому что на смену солидным буржуазным политикам, десятилетиями просиживавшим кресла в правительстве, туда прорываются горлопаны, пришедшие с уличных митингов и демонстраций. Они знать ничего не хотят о вековых традициях и ведут себя так, словно находятся в окружении го-

лодных босяков. Привлекать их в ложи было бы безумием. Теперь многие дела решаются не в кабинете Мастера, а там – в партийных и профсоюзных штаб-квартирах да в клетушках чиновников премьер-министра. Показательно, что и сам Дэвид Ллойд-Джордж вежливо отказался от участия в ложе, когда был еще начинающим политиком. И потом, за всю свою долгую карьеру, так и не поддался зазываниям, хотя, казалось бы, это несет множество выгод.

Да что Ллойд-Джордж! Собственный сын Великого Мастера, которому предстоит сменить отца на этом посту, с ухмылкой слушает проникновенные речи о той высокой ответственности, которая ляжет на его плечи. Наверняка среди его сверстников-студентов ходит множество анекдотов про вольных каменщиков, и он воспринимает ложи как общество спятивших с ума болтунов, которые страдают вдобавок ко всему еще и манией величия.

Хотя не надо забывать, что только в Великобритании насчитывается почти триста тысяч братьев. И они связаны дисциплиной. Разве это не сила?

Другое дело, что масоны не могут угнаться за правительством. Оно действует более оперативно и имеет для этого нужные рычаги. Чрезмерное увлечение Великой Ложи финансистами привело к тому, что ложи имеют деньги, но деньги не решают всех проблем. Надо пронизать своими людьми руководство публичных партий и трейд-юнионы. Это самое слабое звено. Больше внимания уделять проникновению

в государственную пирамиду сверху донизу. Усиливать там конспирацию и зашифровку. Великому Мастеру известно, что Ллойд-Джордж боится масонов. Он любит быть единственным хозяином положения. Если премьер послушает своих шептунов-советчиков и разработает проект закона, который запретит чиновникам участвовать в ложах, то вольным каменщикам останется только строить общественные туалеты и отлавливать бездомных собак.

Мажордом доложил о прибытии Брата Секретаря. Тот вошел как всегда своей неспешной, но деловой походкой, почтительно поклонился, затем присел за стол и сразу же приступил к делу. Открыв кожаную папку, Брат Секретарь зачитал британскую концепцию заседания Объединенного совета. При этом заметил, что она согласована с Великой ложей Франции. По его мнению, на совете следовало дать предельно сжатый анализ неудачи российского предприятия. Терять время на обсуждение общеизвестных истин не стоило. Причины провала были очевидны. Они заключались в несогласованности и противоречивости усилий разных стран. И хотя координация работы была возложена на Великую ложу Великобритании, как имеющую прямые выходы на дом Романовых, относительно неплохая координация имела место только с французами. Американские финансисты не выполнили своих обязательств.

Великий Мастер слушал Брата Секретаря и думал о том, что масонство слабнет не только с внешней стороны. Внут-

ри его также пошли трещины. Самый свежий пример – предательство американских братьев. Не по случайности и не по глупости. Они сознательно повели дело к провалу операции на ее завершающем этапе. Вопреки здравому смыслу подключились к поддержке большевиков, направив в Петербург Троцкого с отборным отрядом подготовленных пропагандистов и огромными деньгами, когда дело, казалось, уже было сделано. Соединившись в один поток, немецкие и американские деньги превратили Ленина в могучего противника Временного правительства и дали возможность вырвать первенство у Керенского. И потом, в период гражданской войны, американские ложи продолжали упорно поддерживать красных.

Такого масонский мир еще не знал. Мало того, что американцы сорвали планы братств. Впервые в истории масонства ложи Нового Света пошли против его основополагающих устоев. Они предали якобинскую революцию. А якобинство – это библия масонов. Ради его святых лозунгов оно существует, живет и борется. Ибо, только когда Свобода, Равенство и Братство воссияют во всем мире, тогда ложи смогут вздохнуть полной грудью. Уже никакие абсолютистские монархии, никакие диктаторы, никакие шайки разбойников не смогут помешать им править самым надежным инструментом власти – деньгами.

Предательство американцев говорило о чем-то совершенно новом. Неужели для них стали безразличны демократиче-

ские принципы ради какого-то временного союза с кровавой диктатурой, ради возможности ухватить кусок пожирнее? Нет сомнений, что они подослали Бронштейна Ленину из-за каких-то выгод. Но рассчитывать переиграть Ульянова – дело неблагодарное. Он способен на любой, самый дьявольский кульбит ради власти. Возможно, они надеются удерживать контроль над ним через евреев в ЦК. Но не слишком ли иллюзорны их надежды? Английскому братству куда спокойней было бы с Керенским.

Да, в масонском мире происходят большие изменения. Американцы все больше и больше игнорируют совокупные интересы братств. Они начинают играть свою игру во благо исключительно американского капитала. Но масонство – не удельный каганат. Здесь недопустим такой эгоизм. Есть еще и братья других национальностей, которые заслужили свой кусок пирога!

Слава Властителю Неба, в европейских ложах пока сохраняется дисциплина и между ними нет конфликтов. Зато есть страх перед наказанием. В их правилах нет статьи об исключении брата из ложи за недостойное поведение. И никогда не будет. Просто такой брат становится «неприкасаемым». Каждый член ложи знает, что это такое.

Ну что ж, на Совет прибывает из Нью-Йорка сам Янкель Шип, вот пусть он и объясняет своим европейским братьям, почему американские банкиры сделали ставку на генетического выродка. Ведь Великий Мастер лично распорядился

отправить Шипу досье на Ульянова, в котором значилось, что его дед родился от сожительства прадеда с собственной дочерью. Такие люди могут иметь отклонения, не позволяющие серьезно рассчитывать на их разумное восприятие действительности. Впрочем, чего стоят планы Ленина с помощью штыка и петли насадить райские кущи на земле.

* * *

Когда Брат Секретарь завершил доклад, Великий Мастер встал из-за стола, походил по кабинету и сказал:

– Построим заседание Совета несколько необычно. С самого начала предложим выступить Янкелю Шипу. Пусть он проблеет аргументы в оправдание ренегатского поведения своих лож. А потом устроим ему заслуженную головомойку. Подготовьте людей.

Федор Аникин лежал с закатанными до колен штанами на копне подгнившего клевера и проветривал покрытые язвами ноги. Легкий августовский ветерок ласкал зудящие раны, а щебетание полевых птиц нагоняло дремоту. Ему не хотелось ни о чем думать. Но тяжелые мысли лезли в голову вопреки желанию. В конце прошлого года Аникин вернулся домой из Красной Армии по ранению. Шрапнельный снаряд разорвался над залегшей цепью красноармейцев и Федору секануло осколками по ногам. Раны считались неопасными, но почему-то никак не хотели заживать и превращались в язвы. После двух месяцев мытарств по обозам и госпиталям он был списан и отпущен к себе в Сонинку.

Отоспавшись на родных полатях и кое-как подхарчившись убогой деревенской едой, солдат добрался до уездного окояновского доктора Константина Владимировича Седова. Пожилой хирург долго осматривал его, зачем-то щупал живот, глядел язык и расспрашивал об участии в боях. Потом сказал, что, видимо, ноги будут заживать плохо, так как у Федора налицо сахарная болезнь, которая развилась, скорее всего, от жестокого удара прикладом под ребра в рукопашном бою. Константин Владимирович велел промывать язвы ромашковым отваром да пить побольше чаю из черничного листа. Помолчав, добавил, что с такой болезнью может

быть всякое. Иногда люди живут долго, а иногда случается резкое обострение и отсчет идет на недели. Бороться с ней врачи пока не умеют.

Сказанное доктором подсекло Аникина. Ему стукнуло тридцать лет, и он вернулся с войны полный надежд на будущее. Сонинский комбед нарезал красноармейцу такой кусок земли из бывших владений помещика Засыпкина, о каком раньше он и мечтать не мог. Осталось обзавестись лошадкой да кое-каким инвентарем – и можно начинать жить в полную силу. Язвы на ногах Аникин в расчет не принимал, полагая, что они затянутся сами, был бы харч хороший. Старый врач нанес удар по его надеждам.

Тишина уходящих за горизонты зеленых холмов и рощиц обволакивала душу покоем, и постепенно мысли приобрели медленный и умиротворенный ход. Что ж, сколько отпущено, столько и отпущено. Нельзя поддаваться тоске. Сыну Семке только десять лет, парнишка серьезный – справный хозяин вырастет. Но подмогнуть ему надо, задел создать, какой получится. Да у жены уж и второй в утробе шевелится, его еще на ноги ставить. Так что лет десять как край, надо тянуть, а там – что Господь подаст.

Снова кольнула душу Федора заноза. Близок локоть, да не укусишь. Двенадцать лет назад он, деревенская голытьба, увел из зажиточного дома крестьянина Силина его дочь Марию, будущую любимую свою жену Машеньку. Венчались они в чужом селе Неверове, и свадьба их была такой бед-

ной, что больно вспомнить. Машенькин отец от нее отказался и никогда ей больше ничем не помогал, хотя жили они на одном порядке.

Аникину приходилось туго. Когда при Столыпине стали уговаривать брать отруба, чуть было Федор не соблазнился. Но Маша поостерегла его и правильно сделала. Через пару лет из пяти «стольпинских» хозяйств в Сонинке осталось только одно. Остальные красный петух склевал до основания. Говорят, хозяева плохо держали слово и норовили обсчитать в конце подряда своих батраков. Бывало даже, что выгоняли без копейки. Но жгли и без причины. Из зависти.

Не взял отруба и его тестюшка-хитрован. Ему и без того хватало. А в прошлом году, как рассказала Маша, он порядком поднажился на голоде.

Когда в Сонинку потянулись первые горожане менять одежду на продукты, Силин проявил недюжинную смекалку. Он бросил в телегу мешок муки и отправился в Окоянов к полоумной купеческой вдове Чикиной, которая доживала век с сестрой во флигеле их конфискованного особняка. Сам Чикин был расстрелян матросами как «контра без надежды на исправление». Домой Силин вернулся без муки, но с тюком невиданно богатых по сонинским понятиям вещей. Две недели он выменивал на зерно хромовые сапожки и туфельки, суконные сюртуки, меховые шубейки, платья из тонких материй, шелковое женское белье, чулки и другие дорогие вещи.

Когда товар закончился, Силин выкопал в коровнике яму и спрятал в ней пудов пятьдесят зерна на черный день. Теперь можно было спокойно распивать чай и ходить в гости к соседям, которые зауважали его еще больше.

Своей совестью трудового человека Федор понимал, что разевает рот на чужое добро. Но мысль о том, что паразит-тесть заставляет голодать родную дочь и внука, подхлестывала чувство злости. Ему нужна была лошадь. Машин отец мог бы выделить ему в долг пудов двадцать зерна для покупки савраски. Ведь не ради себя, ради его кровной родни бьется Федор как рыба об лед. Но сам он в этот дом с протянутой рукой никогда не пойдет. И Машу не пошлет. Хоть виделась Машенька потихоньку со своей матушкой Глафирой, забитой бабой и полной старухой в пятьдесят лет, толку от этого не было никакого.

Сам же Аникин привез с войны большое богатство: обрез из трехлинейки Мосина, котелок патронов к нему да кусок хромку на сапоги, который он прибрал во время боя на кожевенном заводе в Уфе. С таким богатством далеко не разбежишься.

Чем дальше, тем настойчивее шептал вкрадчивый голосок в ухо Федору, что нет у него другого выхода, кроме как украсть или отнять у тестя нужное количество зерна. Против его воли лезли в голову картины похищения пшеницы из коровника или, того хуже, принуждения тестя с помощью оружия.

Зная характер Силина, он понимал, что тот лучше умрет, чем отдаст добро по своей воле. Значит, придется стрелять. Убивать Федор не боялся. На руках его уже была кровь. Убивал в штыковом бою, расстреливал и пойманных лазутчиков. Но мысль об убийстве тестя была для него невыносимой.

Ветерок посвежел. На поле спускались сумерки. Неподалеку начал кричать коростель. Аникин очнулся от полудремы и прислушался к его крику. Голос птицы звучал тревожно, нетерпимо. «Ишь ты, как надрывается, – подумал Федор, – видно, на его делянке сажу».

Коростель странным образом вывел Аникина из состояния неопределенности. Его любовь к Маше и сыну вдруг проросли злостью на нужду и безысходность, подняли в душе яростное желание победить их, чего бы это ни стоило.

Возвратившись домой, он взял банку дегтя и тщательно смазал оси большой двухколесной тачки, чтобы не скрипели. Затем бросил в тачку пустые мешки, лопату и вожжи для закрепления груза.

Когда Федор вернулся в избу, Маша сразу увидела, что он необычно напряжен. Она тревожно окинула мужа взглядом, и, видно, в голову ей пришла отгадка:

– Ты что, неужели к отцу?..

Федор не ответил. Он сидел, опустив голову и положив тяжелые руки на колени.

– Грех-то какой, Федюшенька, ужас-то. Никогда ведь ничего чужого... Не надо, родимый. Бог накажет...

– Бог, говоришь? Вот матушка покойная меня мальчишкой каждое воскресенье в церковь таскала. Весь пол мы там лбами издолбили, все милости просили. Сама ведь знаешь, в какой нужде обретались. Помог он нам, Бог-то? Или может, сильно согрешили? Не припомню. Жили по-людски. Так и чего от него ждать, от Иисуса твоего? Чтобы до конца жизни побираться заставлял? Для этого, что ли, на свет божий объявились? Нет уж! Пойду-ка я своим путем. А уж если Господь меня за это накажет, так все равно на том свете. Так мы хоть на этом чуток для себя поживем, а на том – как знать, что будет.

Маша села рядом, положила ему на плечо голову, обняла.

– Боюсь, потом жизни не будет. Если отец узнает, со свету сживет. А не узнает, от собственной совести засохнешь.

– Не засохну. Я теперь злой стал. Хватит дуриком по земле слоняться. Богатеть надо, детей поднимать. Вон у тебя уж ножкой тукает. Тихонько, девчоночка наверное. А груди пустые с голодухи. Прости меня, голубка, но выносить это мне немоготу, и папашу твоего я сегодня частично обстригу.

Маша ушла за занавеску и тихо легла в постель. Она плохо переносила вторую беременность. А Федор сидел у окна, смотрел на яркие августовские звезды и смолил одну самокрутку за другой.

Когда пропели вторые петухи, Аникин выкатил тачку на зады и стал тихонько продвигаться к усадьбе тестя. Дойдя до цели, оставил повозку у тына, взял лопату, прокрался

в сарай и нашел в нем дверь коровника. Постоял минуту, послушал тишину. Все вокруг спало крепким сном. Лишь с далеких лугов едва доносился голос гармоники. Это молодежь провожала последние теплые ночи. Он повернул вертушок на двери коровника и вошел внутрь. Две справные костромички лежали на соломенной подстилке, поджав под себя ноги. Увидев Федора, они не спеша встали, видимо в надежде на кормежку. Аникин примерялся в темноте и так и эдак, но коровы мешали копать. Надо было выводить их из строения. Однако, как только он открыл дверь, одна из них громко замычала. Федор замер, прижавшись к стене. Постоял, подождал несколько минут. В доме никто не подал признаков пробуждения. Он потихоньку вывел коров в огород и поставил их за сараем, связав одними длинными вожжами, конец которых накинул на сук яблони.

Возвратившись в коровник, взял лопату и всадил ее в пол. Пройдя тонкий слой навоза, лезвие уперлось в деревянный настил. Лихорадочно работая, Федор сгреб навоз с трех досок. Этого было достаточно. Освободил конец одной из них, поднял ее, завел на сторону. Затем просунул в щель руку и почувствовал в ладони ласковое тепло пшеницы. Вывернув еще две доски, Аникин быстро нагреб трехпудовый мешок, завязал, взвалил на плечи и отнес к тачке. Через десять минут он притащил второй мешок. Опустив его на землю, Федор вдруг услышал, как бешено бьется сердце. Решил переждать минуту, успокоиться. Сел рядом с тачкой, разбро-

сил больные ноги в сырой траве.

Тишина ночи успокаивала и наполняла радостным ощущением. Еще немного, и он станет имущим человеком, достойным хлеборобом и хлебосольным хозяином. Еще чуть-чуть...

Через пару минут Аникин встал, прокрался в коровник, нагнулся с мешком над ямой с зерном. В тот же момент что-то тяжелое обрушилось на его голову, и он потерял сознание.

Очнулся Федор оттого, что его облили холодной водой. Он лежал на земляном полу сарая, а подле, на колоде, сидел тещь с вилами на коленях. Рядом коптил керосиновый фонарь.

– Что-то, зятек дорогой, не ко времени ты в гости собрался. Наспех встречу тебе готовить пришлось. Ай не рад нашему свиданьицу?

Федор с трудом сел. В глазах его каруселью ходили фиолетовые пятна, в голове гудел чугунный колокол.

– Зерна тебе, видишь, захотелось. Какой хочливый ты, однако. Сначала дочку мою захотел. И ведь скрал ее, собака. Теперь добро мое скрасть ловчишься. И что, ты думаешь, тебе за это будет? Может, чаешь, отпустит тебя тещюшка дальше нищету плодить? А я вот по-другому думаю. И надумал, покуда ждал твоего пробуждения, что если я тебя к Кукушкину отправлю, то сразу за все с тебя должок-то и получу. И за дочкину жизнь в нищете загубленную, и за свои слезы стариковские. Да и Манька уж тогда к нам вернется, куда же

ей еще. Мы-то ведь совсем одни остались. Дети все расплозились. Голову приклонить не к кому. Так что, прощай Федюха, тут мы тебя и прикопаем, рядом с коровками.

Силин встал с колоды и занес над ним вилы. Федор взглянул снизу на обросшее бородой лицо тестя, его кабаньи глазки и понял, что тот не шутит. Из последних сил он крутанулся по земле, и вилы с визгом вошли в землю.

– Ах ты, сучье вымя! – выдохнул тесть и, выдернув свое орудие, вновь занес его над Федором. Со стороны огорода грохнул выстрел. Силин осел, схватившись за бок. Он повернул голову и увидел в дверях сарая дочь.

– Манька, ты... что, Манька...

Маша стояла в проходе, прижимая обрез к выпуклому животу. Глаза ее были полны ужаса и отчаяния. Из дома выбежала Глафира. Увидев мужа в свете фонаря, она страдальчески охнула и наклонилась над ним. Силин затихал в луже крови. Рядом в полубессознательном состоянии сидел зять. Глаза его опухли, половина лица посинела.

Маша, шатаясь, вышла на огород, обняла за шею корову, и тело ее стала бить беззвучная конвульсия.

Прокричали третьи петухи. Над садами прорезалась первая робкая полоска рассвета. Глафира оторвалась от мужа, который уже холодел. Она подняла обрез и бросила его в яму с зерном. Затем сказала зятю:

– Федор, закрывай яму. Заводи скот. А я пойду, людей подниму. Сами не придут, побоятся. Скажу так: мол, напа-

ли на нас, отца стрелили. Я скорей за тобой, ты прибежал, а тебя по голове ударили и скрылись. Кто такие – не знаем, не местные. Грабители чужие.

Едва переставляя ноги, Федор перетащил и ссыпал мешки обратно в тайник, заложил его досками, притрусил навозом и завел скот. Маша ушла в избу и легла. Ее колотила дрожь. Федор полил голову водой из ковша и забылся на пороге в ожидании людей.

Вскоре Глафира привела председателя комбеда Матвея Кучина и соседей. Те, перекрестившись, потоптались вокруг покойника, покивали сочувственно семье, потом занесли Силина в избу, положили его на лавку и разошлись до утра, пообещав засветло послать за начальством в Окоянов.

Отлежавшись неделю дома и немного оправившись от сотрясения мозга, Федор Аникин вступил во владение хозяйством родителей жены. Из города так никто и не приехал. По уезду то и дело происходили нехорошие случаи с представителями новой власти. До сонинского покойника из числа рядовых середняков руки не дошли.

6

Просторный вестибюль Мэйсон-хауза на улице Великой Королевы постепенно заполнялся. Прибывающие гости проходили в холл и собирались в группу вокруг тринадцатиконечной звезды из итальянского лазурита, выложенной на полу. Переговаривались вполголоса, ждали прибытия Великого Мастера с руководителями лож из Парижа и Нью-Йорка. Другие ложи, имевшие меньшее участие в российских делах, решено было не приглашать. Наконец подъехал паккард с королевской эмблемой на дверце. Вышедшие из него три джентльмена направились в Малый зал, и остальные участники потянулись за ними.

Помещение Малого зала, украшенное масонской символикой, было необычно тем, что в нем стоял трон Георга Четвертого, являвшегося Великим Мастером сто лет назад. Для него, мужчины необычайных размеров, было сооружено кресло, на котором могли бы свободно разместиться два нормальных человека. Неудивительно. По свидетельству хроник, жизнелюб Георг на завтрак обычно съедал двух голубей, двух кроликов, бифштекс размером с лопату и запивал все это кувшином вина.

Теперь сиденье этого сооружения было обложено специальными подушками, чтобы новые хозяева не терялись в его лоне.

Великий Мастер с помощью подставки взошел на трон, расположенный у восточной стены зала, устроился поудобнее и взглянул на девиз ложи, выложенный мозаикой по своду потолка: «Слышать, видеть, молчать», а затем осмотрел присутствующих. Их состав сильно изменился за двадцать лет его председательствования. Исчезли лица многих родовитых особ, сановников и генералов. Зато появились банкиры и промышленники, вчера еще никому не известные обитатели Ист-энда. Да и американские ложи были представлены сплошь финансистами из нью-йоркских банков. Это понятно. Новой поросли богатых нужна власть, братству нужны большие деньги. Союз логичен и неизбежен. Но Великого Мастера раздражали та безалаберность, с которой американские братья начали попираť святыи традиции ложи. Они все больше и больше превращали масонство в демократическую говорильню, лишенную ритуалов и железной дисциплины. Если пойти у них на поводу, то через пять лет тайны ложи будут обсуждать на каждом перекрестке уличные нищие и проститутки.

Злорадное предвкушение расправы над Янкелем Шипом распирало Великого Мастера. Он представил, как главного виновника провала операции застанет врасплох предложение выступить первым, как затем начнется его моральное уничтожение. Давно настала пора показать этому самодовольному меняле на его место.

Глава фирмы «Кон, Лейб и сыновья», один из богатейших

людей Америки Янкель Шип вышел к пюпитру, шаркая подошвами поношенных штиблет и по привычке горбясь. Лицо его несло на себе отпечаток печали и задумчивости. Ему было много лет, и он знал, что настала пора готовиться к уходу. Янкель достиг самого главного в жизни, о чем только может мечтать еврей, – огромного богатства. Он мог бы спокойно смотреть в проем своего персонального склепа, ведь зависть и уважение соплеменников будут еще многие годы сопровождать его имя. Но в душе его жила глубокая рана, о которой не знал никто.

Когда-то, страдая от голода в трюме турецкой фелюги, доставлявшей его с родителями из Одессы в Константинополь, он мечтал о богатстве и том, как он будет упоительно счастлив, заимев бессчетное количество денег. Потом он лелеял эти мечты на паруснике, тащившем их из Ливерпуля в Бостон, и в холодных ночлежках Бронкса.

Повзрослев, Шип начал погоню за счастьем, сделавшую его одержимым. Иногда ему казалось, что он уже схватил волшебную птицу за хвост.

Когда в двадцать лет Янкель заработал первую тысячу долларов, его охватила эйфория. Он отбивал ногами чечетку перед зеркалом в пустом номере гостиницы, показывал себе язык и делал рожки. Потом велел сервировать стол с шампанским и распорядился пригласить самую дорогую проститутку отеля.

Пришла белоруска Ядвига, высокая, стройная блондинка,

плохо говорившая по-английски, но хорошо знавшая свое дело.

Не тративший время на пустую болтовню Янкель сказал ей то, что никогда не говорил проституткам:

– Если сделаешь меня счастливым, заплачу – сколько захочешь.

При этом он решил не давать ей больше двадцати долларов.

Ядвига старалась, как могла. Она добросовестно и нежно обцеловывала его маленькое тело, гладила руками, страстно требовала его движений, постанывала и закатывала глаза и если бы он не заметил, что иногда она холодным взглядом контролирует его состояние, он бы почти поверил ей. Однако эта сотая доля секунды, за которую над ним проносился равнодушный блеск ее глаз, сразила его наповал. Он оттолкнул девушку и сказал:

– Ты плохо работаешь, дрянь. Получай свою пятерку и уходи.

Ядвига не удивилась. Она поднялась с постели и, будто забыв о клиенте, стала одеваться. Не спеша надела панталоны, накинула платье, долго зашнуровывала высокие башмачки. Потом подошла к двери, повернулась и сказала по-белорусски:

– Почему вы все думаете, что счастье можно купить? Нельзя его купить. Еще ваш Иуда из-за этого удавился. А вы так и не понимаете.

Тихо прикрыв дверь, Ядвига ушла. Недавнее ощущение торжества превратилось в ярость, отчаяние, бессилие. Янкель искусал себе пальцы, выпил все, что было в номере, сильно опьянел и приполз домой по стенке. Впервые он поделился своим состоянием с матерью, которая тогда еще была жива. Старуха молча выслушала его нетрезвую исповедь, а потом сказала:

– Янек, ты уехал из России ребенком и не знаешь, что такое – эти люди. Я этих людей знаю хорошо. Запомни крепко: все православные живут с дырой в голове, потому что любят своего Христа. Этот Христос внушил им вещи, которые лучше не надо понимать, потому что от них не получишь добра. Ты просто должен знать, что если славянин верующий, то с ним лучше не иметь гешефта, потому что он будет презирать тебя за твою выгоду. А если он не верующий, то от него лучше держаться подальше, потому что это зверь. У нас был винный заводик в Ужгороде, и сам губернатор был у нас в долгу, но мы жили как на ноже, потому что хохлы нас ненавидели, и мы сюда убежали с пустым кошельком. Это страшные люди, Янек. А всему виною их дурацкая вера, что главная жизнь ждет их на небе и они должны, как идиоты, чистить себе ноги на пороге.

Янкель слушал свою старуху-мать, а сам думал о том, что его представление о счастье оказалось иллюзией. Как-то грязная проститутка одним небрежным жестом показала ему, что он – всего лишь денежный глист, копошащийся

в своем кошельке и недостойный Высокой Любви! Ей, видите ли, открыта небесная тайна, которая ему, жалкому торгашу, не по чину приходится!

Чувство яростного протеста овладело тогда Шипом – бесплодные мечтатели, пьяницы и бездельники, придумавшие себе нечто недостижимое для того, чтобы не достигать достижимое и в этом находить оправдание своей никчемности. Будьте вы трижды презренны со своей божественной придурью! То, что вы придумали, – пустой бред, уводящий людей от настоящего дела. То, что имеет он, Янкель, – опора земных дел.

И если бы в предутреннем сне ему снова не явилась Ядвига, с ее презрительной полуулыбкой, он бы наверное уже поверил в собственную правоту. Но родной его бес, тот, что постоянно нашептывал в левое ухо точные и необходимые мысли о тех, с кем он имел гешефт, шептал теперь вещи, совсем для него неприятные:

– А ведь не купилась она, Янкелек, на твои фантики. Не заржала от счастья при виде твоих бумажек. Выпрямилась, сука, проститутка, нечисть, гордой кобылой, прошипела всякую грязь и растворилась к чертям собачьим. Как же понять, что даже продажная тварь презирает в тебе дельца? Что же это такое, куда же ты будешь ходить при таком мертвом раскладе?

Он еще не знал тогда, что этот в общем-то мелкий случай западет глубоко в душу, будет жечь огнем унижения и ста-

нет началом его борьбы с главной духовной проказой человечества – православием. С годами Шип стал страстным противником этой веры, тяжелыми кандалами висящей на ногах прогресса. Он понял, что сможет стать счастливым лишь тогда, когда эта религия будет повержена.

Он знал, что среди евреев мало ненавистников. Его народ созидает деньги и не размышляет о качествах других наций, по крайней мере до тех пор, пока его не вынудят к этому обстоятельства. Но он, Янкель Шип, опередил своих соплеменников. Он видел дальше их и понимал, что рано или поздно огромное российское пространство откроется для настоящей работы капитала. И впереди пойдут лучшие финансисты и дельцы – его собратья по племени. Без этого нельзя себе представить будущего. Но прежде чем получить доступ к свободной работе на этой территории, необходимо искоренить православие – главный тормоз в голове русского человека. С православием русский не способен воспринять науку жить разумно. Его разум запутался в противоречиях между нормальными земными потребностями человеческого естества и темными законами своей веры, которую не напрасно называют ортодоксальной.

* * *

Янкель Шип оглядел зал, прокашлялся и неожиданно громко хихикнул.

– Я так понимаю, что уважаемые джентльмены собрались здесь, чтобы почтить скорбной памятью провал предприятия в России, – сказал он на том ужасном английском языке, на каком говорят еврей-эмигранты первого поколения. – А я скажу, что дело провернуто удачно. Мы, американские финансисты, считаем именно так. Просим прощения за то, что не сразу проинформировали вас о нашей ставке на большевиков. Вы не поняли этого в семнадцатом году, да и сегодня мне еще придется дополнительно объяснять нашу логику. При этом прошу простить ту грубую правду, которую я должен выразить в ваш адрес.

Да, мы начинали предприятие в полном согласии с вами. Действительно, никакая революция в России не была возможна без подрыва военной и полицейской машины Николая Второго. И мы внесли основные кредиты на вооружение кайзера. В этой части наши замыслы сработали успешно. И ваша роль с подготовкой антимоноархических сил в Империи также была исполнена блестяще. Но дальше все пошло не по нашему плану. Парализовав царизм, ваши социалисты оказались неспособными оседлать ход событий. После февраля стало понятно, что русскую революцию следовало проводить при сохранении самодержавной вывески. Но это понимание пришло слишком поздно. Такое опоздание было бы простительно нам, американцам. Мы только начинаем заниматься Россией. А вот почему за сто пятьдесят лет укоренения ваших лож в России вы не поняли главного – рус-

ское самодержавие является основным скрепляющим обручем народной жизни? Без царя русские превращаются в дикую вольницу. Это со всей очевидностью проявилось после учреждения Временного правительства. Оно не смогло взять реальную власть в свои руки и стало на глазах деградировать. Армия начала разваливаться. Из нее бежали массы вооруженных дезертиров, разложившие весь гражданский порядок. В деревне начался захват помещичьих земель. Местные власти не работали. Страна становилась неуправляемой, назревала еще одна стихийная революция. И если бы мы не помогли большевикам схватить власть, то мужики свернули бы Керенскому шею и поставили бы своего мужицкого царя. Только никакого влияния, джентльмены, наши ложи на него уже не имели бы. А на большевиков мы имеем! И даже очень хорошо, что Властитель Неба распорядился таким образом. Мы считаем, что большевики – это лучшее средство подготовки великого русского народа к демократии. Потому что путь к демократии лежит через полное искоренение православия. Кто же сделает это лучше и быстрее кровавых фанатиков коммунизма?

Вы спросите, что будет потом? Никто не знает, что будет потом. Мы, в американских ложах, считаем, что для начала следует разрушить эту историческую цивилизацию, которая занимает половину развитого мира и покоится на ортодоксальных основах. Она еще отнюдь не разрушена! И много сил еще придется потратить, чтобы след ее исчез в прошлом,

а на карте мира появилось какое-то переходное государство, которое только потом, в будущем, превратится в нормальную страну.

Да, переходное! Пусть это будут большевики. Каждый из вас понимает, что большевистская доктрина нежизнеспособна. Но зато она агрессивна. Она выжжет русскую историческую память, очистит русский разум, подготовит русский характер к тому, за что боремся мы, – к новому Богу – Золотому Тельцу. Неужели это трудно понять?

Впрочем, о чем я говорю. Судя по тому, как вы обложили репарациями Германию, ваша алчность слепит вам разум. Я скажу вам на это следующее: немцы, конечно, не умрут с голоду. Это сильная нация, она выживет. Но такого издевательства над ней всею, над каждым ребенком и беспомощным стариком, она вам не простит. Вы еще будете горько плакать, вспоминая о Версальском мире... Кстати, об этом договоре. Мы, конечно, продолжим работу по созданию Лиги Наций. Но, думаю, Совдепия не даст нам развернуться так, как мы хотим. Потом, попозже, мы вернемся к этой идее. Может быть, даже не мы, а наши дети.

Теперь о главном. Я приехал сюда не для того, чтобы читать вам мораль.

Я привез к вам общее мнение американских лож. Оно заключается в том, что вы, господа, безнадежно отстали от живой жизни с вашими играми в загробную конспирацию и составлением бумажных планов, годных только на растопку

ваших каминов. Вы мыслите понятиями девятнадцатого века, хотя и в нем у вас было больше позорных провалов, чем успехов. Вспомните хотя бы виселицы Шлиссельбурга, на которых проветривались ваши декабристы в восемьсот двадцать пятом и ваши социалисты в последующих десятилетиях. Сколько их, неизвестных и известных героев масонства, погибло из-за вашего барского снобизма и тупости ваших руководителей на местах. Стыдно вспомнить о покушении на Столыпина. Вы погубили массу боевиков и невинных граждан, а финальную точку в истории с премьером пришлось ставить нашему киевскому кагалу. А чего стоит ваш тупица Локкарт, пославший в подвалы ЧК сотни людей? Вы пытаетесь сделать из него героя! А ему место коверного в бродячем цирке.

Поэтому мы просто информируем вас, что американские логи берут руководство российским предприятием на себя, а вам предлагается роль партнеров, которым найдется немало работы в этом бескрайнем пространстве.

Думаю, что помимо этого вам еще предстоят крупные неприятности и у себя дома. Ваши логи слишком легкомысленно считают, что превратят Муссолини в своего клеветы. Посмотрите вокруг, господа. Ростки фашизма лезут с небывалой скоростью во всех европейских странах. Приглядитесь к ним, братья. Эти мускулистые мальчишки совсем не расположены играть с вами в детские игры. Они опасны! Все они – ваши враги, порождение вашей алчности,

расцветшей на ниве победы в мировой войне. Но все-таки это происходит в Европе, где вы имеете возможность заказывать музыку. Будем надеяться, что вы сумеете заказать ее правильно.

Главная опасность сегодня исходит не от Муссолини и его бандитов. Она, без всякого сомнения, кроется в коммунистическом интернационале.

Уважаемые братья. Для того, чтобы избежать самого худшего сценария, американские ложи помогли большевикам придти к власти. Но мы трезво смотрим на вещи и понимаем, что с победой красных в гражданской войне начинается новый этап истории. Теперь у международного коммунизма есть плацдарм, и его распространение пойдет небывалыми темпами. Это требует от масонства осознания всей важности начинающегося процесса и выработки нужной реакции на него. Сорняк коммунизма отпочковался от порожденного нами социалистического движения. Проникнуть в этот бурьян, разложить и расколоть его – задача нашего выживания. Мы в Америке пока еще не знаем, какова финальная цель в борьбе с Коминтерном – разогнать его или поставить под контроль. Это станет ясно по ходу работы. Но сегодня ее надо начинать. Решить такую историческую задачу можно только объединив все наши силы и возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.